Метро 2035: Красный вариант

Автор:
Сергей Недоруб

Метро 2035: Красный вариант

Сергей Иванович Недоруб

МетроВселенная «Метро 2033»

Что делать, если судьба, допустившая Катастрофу, играет еще более злую шутку: полностью погребает под тоннами породы самую большую ветку Киевского метро, оставляя неповрежденными две другие? Что, если призраки «красной» ветки напоминают о себе в каждой тайне и загадке всех последующих лет? Немыслимо, чтобы там мог кто-нибудь выжить, но все же…

Сталкеры Креста – расположенного под Киевом содружества станций обеих уцелевших веток – во время очередной вылазки находят на поверхности неизвестного человека в сильно изношенном защитном костюме. Он чужой в мире метро, и никто не может сказать, кто он и откуда, кроме местной девушки с повредившимся разумом и психологией ребенка. Чтобы достучаться до ее памяти, требуется помощь кого-то, кто сможет найти способ поговорить с ней. Детский учитель Ион берется сопроводить девушку на другой конец Креста, в отдаленные и дикие районы, чтобы найти ей доктора. Кто-то пытается им помешать, не останавливаясь ни перед чем. Кто-то, все еще хранящий тайны «красной» линии.

Сергей Недоруб

Метро 2035: Красный вариант

© Глуховский Д. А., 2018

© Недоруб С., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая. Происшествие

Глава 1. Лукьяновская

В вечном свете станционных фонарей рельс красиво блестел, подобно сплошному меридиану, соединявшему два конца Вселенной. Сидящий на шпалах шестилетний Егорка знал ее границы, как никто другой. Уже в возрасте трех лет он усвоил картину мира, который начинался северными воротами Лукьяновской станции, а заканчивался южными. Однако временами случалось невероятное: ворота открывались, и из пустоты словно выглядывала непроницаемая тьма. Егорка побаивался открытых ворот, но детское любопытство одерживало верх, поэтому он вместе со своими товарищами всегда прибегал посмотреть, что произойдет на этот раз. Прежде всего, он удивлялся тому, что рельс не заканчивался у ворот – он уходил дальше, во тьму. Второй раз он изумился, узнав, что там находился и второй рельс, идущий рядом с первым, но в пределах станции он обычно был завален всякими коробками, железками, тросами и прочим драгоценным добром, столь притягательным для исследования. Хмурые мужики гоняли Егорку прочь, так что каждый раз после закрытия ворот он начисто забывал про второй рельс. Зачем помнить то, что не сверкает?

Иногда Егорка видел, как перед воротами собирались челноки. Этим странным словом называли взрослых людей с тяжелыми рюкзаками, которые группами по шесть-восемь человек уходили во тьму. Егорка никак не мог понять, куда они идут. Ему рассказывали, что если долго идти во тьме, то рано или поздно выйдешь к другой станции. Конечно, Егорка в это не верил. Мир начинался и заканчивался воротами.

Но бывали дни, когда из тьмы слышался загадочный грохот, как если бы все жители принялись дружно стучать молотками по рельсу. Вместе с пылью и

холодом приходил чужой запах, и на Лукьяновскую выкатывалась дрезина – почти то же самое, что и некоторые Егоркины игрушки, только гораздо, гораздо больше. С дрезины слезали неизвестные челноки, а иногда и другие дети, которых Егорка раньше не видел. Он никак не мог понять, откуда они появились. Кто знает, может, в самом деле существовали другие миры…

Если Егорка и не знал, зачем все эти люди покидали тьму, то почему они привозили сюда детей, он понимал отлично. Ведь только на Лукьяновской была своя школа для детей из темноты, «единственная на все метро», как он когда-то услышал и запомнил. Что такое «метро», ему так и не растолковали. Наверное, метро – это станция и тьма, вместе взятые.

Замечтавшись, Егорка не сразу услышал, как ворота снова начали издавать знакомый звук. Тут же, прижав ухо к рельсу, он начал слушать ритмичные вибрации. Опять дрезина. Учитель Ион порою уходил во тьму, чтобы поискать в ней новых детей и привезти на Лукьяновскую, где они обучались в школе. Затем их увозили обратно. Сам Егорка пока что в школе не обучался, но никто не прогонял его, если ему хотелось посидеть рядом и послушать. Он твердо решил, что, когда вырастет, тоже будет учиться хорошо, чтобы его не увезли во тьму. Мир и без того был слишком большим.

* * *

– Приветствую, – громыхнул заросший механик, фиксируя дрезину «башмаком». – Что-то вы рано.

– Здравствуй, Дмитрий, – сказал Ион, спрыгивая с дрезины на родную станцию. – Детей сегодня мало, четыре парня и девочка. Остальные в столицу умотали.

– Прогуливают, значит? – Механик начал помогать челнокам сгружать набитые тюки, в то время как Ион следил за детьми, с любопытством оглядывающими станцию. – Помнится, я в свое время тоже от школы отлынивал. Все бы отдал, чтобы вернуть те времена.

– Те времена? Стоп, да ты же должен был в школу еще до Катастрофы ходить.

Дмитрий не ответил, и учитель понял, что задел больное место. Немного на Лукьяновской оставалось людей, помнящих мир до войны. Здесь в основном проживала молодежь.

– Дети, не отставать, – скомандовал Ион. – По станции не бегать! Позже я вам все покажу.

Дети неохотно послушались. Учитель лишь покачал головой. Как можно запретить ребенку глазеть с открытым ртом на новый мир, в котором он ни разу не был? Это противоречит человеческой природе. Для маленьких обитателей Креста попасть на соседнюю станцию – все равно что оказаться на другой планете. Тем более что вряд ли теперь кто-либо из малышей поймет, что такое «другая планета». После Катастрофы слишком многое утратило смысл, зато еще большее – обрело.

О собственном возрасте Ион мог лишь приблизительно догадываться, как и многие другие его ровесники, которых Катастрофа застала в детстве. Для него, страстного любителя точных знаний, этот вопрос долго отзывался болезненными ощущениями в душе. Старики, глядя на учителя, отмечали его молодость, относительно цветущий вид, в меру широкие плечи и неизменный добродушный взгляд. Мало кто мог вспомнить Иона разозленным, если только спор не касался будущего школы. Полноценному гражданину Креста в возрасте «чуть за двадцать» незаметно подкатило к тридцати, но учитель не замечал в себе особых изменений. Куда больше биологического возраста значил социальный статус гражданина, и в этом плане Ион мог оглядывать свой школьный шатер с гордостью. Показателем же прожитых лет у мужчин мог служить разве что цвет бороды, однако Ион предпочитал регулярно бриться, так что внешностью мало чем уступал парням с фотографий в довоенных журналах.

Как раз в одном из таких журналов он и нашел свое прозвище. «Ион». Физический термин, столь неуместный для глянца, одно только объяснение которого пестрело кучей новых, незнакомых выражений. При первом взгляде на витиеватый текст будущий учитель решил, что это короткое, запоминающееся слово в точности отражает суть его самого – вечного искателя знаний былого мира, искателя, лишенного наставников, которые могли бы скомпоновать и передать эти знания ему. Он точно так же не мог объяснить свою тягу к заботе о грядущем поколении, ведь собственных детей он не имел. Просто собирал все книги, которые мог найти, купить или обменять, и никогда не скупился на вознаграждение за хорошую историю из уст очередного челнока или просто

любого нового человека на Лукьяновской. Ион считал, что недостаточно дать ребенку книгу, чтобы тот разобрался в материале, – нет, для учителя делом чести было прочесть книгу самостоятельно и уже потом разъяснить все так, как понял сам.

Именно эта его привычка в свое время заставила смотрителя Датаполиса обратить на учителя внимание. Не хотел лидер метрополитена упускать из вида непонятных молодых людей, толкующих Истину другим, еще более молодым, в своей собственной трактовке. Иона вызвали в столицу, где он впервые встретился со смотрителем, и тогда Кипарис (в каком же году он успел назваться именем дерева?) наговорил достаточно, чтобы вызвать у Иона желание осадить смотрителя прямо в его кабинете. Мысль о своей школе пришла именно в тот момент. Хотя до ее создания было еще далеко.

– Смотрите, как я умею! – раздался задорный детский голос, и учитель встряхнулся.

Первым делом нужно было увести детей подальше от дрезины – вместе с ними на Лукьяновскую прибыли трое торговцев, помимо всего прочего притащившие с собой сахар. Диковинка даже для взрослых, а уж дети за сахар могут, наверное, и вовсе сбежать на поверхность, хотя и не все верят в ее существование. Ион и сам очень любил этот странный желтоватый песок, особенно растворенный в воде. Но найти напиток богов можно было лишь в Датаполисе, по определенным дням и за десяток патронов. Это портило впечатление от напитка, словно он оказывался пропитанным порохом, машинным маслом и, что хуже всего, экономикой столицы. В Датаполисе разлетались все виды валюты, встречавшейся на просторах Креста, однако Ион нормально воспринимал только жетоны. Недаром до Катастрофы именно жетонами расплачивались при входе в метро – элитарнейший, по всей видимости, вид транспорта, открытый избранным. Все, покупаемое за патроны, считалось чем-то нечистым, и граждане столицы в большинстве своем предпочитали быть выше подобных товаров и услуг. Однако приобрести сахар иначе, чем за патроны, было невозможно, потому что его каким-то образом добывали только сталкеры Метрограда, не признающие других денег, кроме огнестрельных.

Иона передернуло при мысли об этих ужасных людях. Сталкеры Метрограда… Кем надо быть, чтобы жить фактически наверху, в подземном торговом комплексе, и к тому же раз за разом добровольно вылезать наружу, во внешний мир? И все же порой они притаскивали самые разные штуки, очень полезные в

Кресте, а иногда и просто приятные. Если бы не плата патронами, с ними можно было бы вести дела. Хорошо хоть, что челноки работают посредниками в торговле…

– Учитель, когда мы поедем домой? – спросил Тимка, самый младший из всей пятерки.

Ион понял, что замечтался. Когда перед глазами стоял сахар, он с трудом мог удержаться, чтобы не думать о нем. И в этот раз тоже не получилось. Смущенно улыбнувшись, учитель собрался было приободрить Тимку, но тут же понял, что малыш вовсе не хочет домой – напротив, он мечтает остаться на Лукьяновской подольше.

В такие моменты Ион особенно гордился родной станцией. Конечно, с великолепием Датаполиса ее не сравнить, но все же в тройку самых красивых, по его мнению, она входила. К тому же сам Тимка родом с Почтовой Площади, станции достаточно бедной, перебивающейся производством одежды да своим статусом таможенной зоны между фешенебельным кварталом Контрактовой и консервативной состоятельной Площадью Независимости. А бедному особенно тяжко, когда он зажат между богатыми, которые к тому же друг с другом соперничают.

Лавируя между тесными деревянными постройками, Ион провел детей к просторному шатру, сплошь расписанному рекламными надписями. Это и была школа – драгоценный участок свободной территории, который учитель выбивал правдами и неправдами больше года. Ион спорил с начальником станции, с администрацией Датаполиса и даже с самим Кипарисом, отстаивая необходимость пространства для обучения. Не так просто было на маленькой Лукьяновской выбить даже квадратный метр, тем более на такие эфемерные, по меркам Кипариса, надобности, как образование. Зачем нужно учебное заведение, если каждый ребенок Креста и без того проживает с родителями, хоть настоящими, хоть приемными?

После долгих споров смотритель предложил Иону учредить школу в стенах Датаполиса, и молодой учитель тут же понял, куда дует ветер. Не хотел Кипарис распылять творческую интеллигенцию и потенциальную надежду поколения, позволяя ей так просто произрастать в отдалении от столицы. А если у нее со временем появятся собственные политические убеждения…

Когда закончились аргументы, Ион прибегнул к последнему средству – к сбору голосов взрослых. И этот шаг выстрелил в его пользу. Тут-то и оказалось, что привязанность к собственным детям сильно ограничивала рабочие способности населения. Добрая половина семей Датаполиса и ближайших станций была бы рада пристроить своих чад хоть на несколько дней в месяц, чтобы эмоционально восстановиться, да вот только кто в метро доверит своего ребенка незнакомцу? Воспрянув духом, Ион объяснил это Кипарису на пальцах, с трудом преодолев соблазн использовать средний, и, в конечном счете, добился своего. Школе был дан зеленый свет.

– Заходим, – бодро сказал учитель, отодвинув полотнище, занавешивавшее вход в шатер. Дети с радостными возгласами скрылись внутри. Шелест бумажных самолетиков, спешно разбираемых со стола, заставил Иона улыбнуться. Хоть какая-то отдушина от мира взрослых проблем…

Зайдя в шатер, он уселся на широкую скамью. Отшлифованная за годы использования древесина была испещрена насечками и дырками. Ион принес эту доску с северного блокпоста, где она служила подставкой для мишеней для отработки метания ножей. Почти все в этом шатре Ион построил из отходов, собирая детали с миру по нитке. И уже долгое время шатер служил ему рабочим местом, а иногда и домом. По праву постоянной прописки на Лукьяновской Иону полагался свой матрац в одном из мужских бараков для холостяков, однако там учитель все чаще чувствовал себя чужим. Его работу по воспитанию детских умов на станции уважали, но то было скорее нечто вроде уважения к рисовальщику картин – то есть вроде занят мужик непыльным делом, что-то духовное производит, а все же гайки не крутит, в дозор до сотого метра в туннель не ходит и вообще дурью мается. С тем же успехом Ион мог вырезать свистульки из свинячьих копыт.

Так что он раздобыл второй спальник и хранил его в шатре, куда кроме него никто даже не заглядывал. Здесь же находился бак с водой – на детей ее не жалели, и учителю обычно доставался дополнительный литр в день для собственных нужд.

Временами вместе с учителем уроки вела Татьяна – медсестра с отличными педагогическими способностями. Такая девушка где угодно была бы желанной гражданкой. Поначалу она предпочла заниматься обучением детей, за что Ион был готов упасть ей в ноги. И все же ее энтузиазма надолго не хватило – Таня устроилась стоматологом в элитарном уголке Датаполиса, поселившись в

собственном отсеке внутри четвертого пилона Площади Льва Толстого, инкрустированного алюминием. Ион долго не мог простить ей подобного предательства, но затем вспомнил, что у детей тоже бывают зубы. Так что, может, она и правильно поступила.

– Разбираем учебники, – Ион положил на стол шесть экземпляров «Флоры». Дети принялись разглядывать картинки, а учитель продолжал сидеть в невеселых размышлениях.

Сам он никогда не заработает на собственный пилон в Датаполисе. Для этого нужны либо очень большие деньги, либо отличные профессиональные способности, позволяющие оправдать свое проживание в административном центре Креста. С другой стороны, Ион не особо и хотел покидать станцию. Ну, что он забыл в столице, в самом деле? Получить место в администрации смотрителя он не сумеет ни в этой жизни, ни в следующей, если таковая будет. А работать напрямую на Кипариса ему не позволит гордость. Куда лучше сидеть в шатре и читать с детьми брошюру о растениях, рассуждать о насекомых метрополитена, обсуждать увиденные в туннелях странности и вести прочие беседы на сторонние темы. В мире метро, устоявшемся после Катастрофы, и детям, и взрослым, помимо безопасности и куска еды, нужно одно – иметь возможность поговорить с кем-то, кто их понимает. Можно сказать, что он еще хорошо устроился.

Вот детям повезло меньше. Взять хотя бы того же Тимку. Его семья занималась чисткой уборных и хлевов для свиней на большой ферме. Дело важное, но не настолько почетное, чтобы мэрия Почтовой Площади каждую неделю оплачивала их сыну поездку до Лукьяновской и обратно, включая двухдневное проживание. А ведь место на дрезине стоит денег. Прокатиться через четыре станции, включая Датаполис, в который и без того бесплатно въехать не каждый сможет, – влетает в копеечку. На своих двоих взрослые проходили через столицу задаром, но ведь ребенка по туннелям пешком не пошлешь. Пусть даже в пределах центра каждый угол был исследован – за такое грубое нарушение всех этических и социальных норм Кипарис сам с себя повязку снимет.

Поэтому восьмилетний Тимка мог посещать школу разве что раз или два в месяц, и то если по пути тайком подрабатывал чисткой сапог.

Машинально листая «Флору», Ион оглядывал других детей.

Следующими по старшинству были Женя и Рома, проживающие на Кловской. Станция изначально ничем особенным не выделялась, кроме близости к центру, так что рассматривалась как потенциальный ресурс для расширения столицы на восток. Однако было принято решение уделить внимание Золотым Воротам, находившимся в противоположном направлении. Затем вмешался Метроград, которому толпа гражданских под ногами тоже не прибавила бы спокойствия… В результате столицу так и не расширили. Может, оно и к лучшему.

Слева от Ромы сидела десятилетняя Земфира, происходившая из богатой семьи. Отец – в прошлом машинист метровагона, мать – оператор эскалатора, и оба родителя по совместительству заведовали частью бункера Площади Независимости на случай войны. Неудивительно, что после Катастрофы они оказались одними из первых. Школа на Лукьяновской стала не единственным развлечением их дочери. Влияние и деньги позволили родителям девочки катать ее от Петровки до Славутича, включая регулярные путешествия через метромост. Круиз еще тот. Хотя если в герметичной дрезине вместе со «скифскими» купцами – то вполне себе приключение.

Наконец, последним ребенком был одиннадцатилетний Ваня с Минской. Хотя, учитывая жизненный опыт и относительно трудоспособный возраст, на ребенка он походил мало. Его родители погибли при завале туннеля, ведущего на Героев Днепра. В возрасте девяти лет Ваня выживал, как мог, кочевал от станции к станции, пока в результате чудом не пробрался в Датаполис, где был пойман на воровстве. Причем крал он не жареную крысу с мангала у блокпоста, а жетоны из личных запасов Березы, министра по продовольственным вопросам. Когда сорокалетняя Береза – суровая, но по-своему добрая женщина – обнаружила в своем личном пилоне Ваньку, роющегося в железном сейфе, то долго думала, что с ним делать. В результате его отослали ухаживать за грибными плантациями в сырые подземелья Золотых Ворот, но в качестве пряника позволили иногда посещать школу Иона. При этом учитель был склонен думать, что ему самому есть чему поучиться у неунывающего Ваньки.

– Так, друзья, давайте вспомним домашнее задание, – предложил Ион, отложив учебник в сторону. – Что нам нужно было сделать? Кто ответит? Рома?

– Рассказать, кто кем хочет стать, когда вырастет, – ответил Рома.

– Отлично! Кто первый?

– Можно я? – Женя поднял руку.

– Конечно, можно.

– Я хочу стать архитектором.

– Вот как? – притворно удивился Ион. – Расскажи, что делает архитектор.

– Он делает станции красивыми.

– Ты хочешь сказать, он строит станции?

– Нет. Он делает их красивыми.

– Понятно, – улыбнулся Ион. – То есть ты не хочешь стать строителем?

– Нет, я хочу быть архитектором.

– И какие станции ты хочешь украсить?

– Свою. Кловскую. Чтобы она стала красивой, как Датаполис.

– Ясно. – Учитель обратился к Роме: – А ты кем хочешь стать? Женя будет украшать станции, но кто-то должен их строить. Ты будешь строителем?

– Я буду управлять дрезиной, – гордо ответил Рома. – Мне в этот раз дали покачать, пока ехали в туннеле.

– Ух ты! Сам качал рычаг?

– Ну, – мальчик замялся. – Мне помогали.

– Хорошо, – Ион чуть усмехнулся. – Земфира, ты кем хочешь быть?

Девочка посмотрела на него, улыбнулась, демонстрируя великолепные зубы. Чем же она питается? Явно не тухлой свининой. Серьги в ушах блеснули в умеренном свете электрической лампы – во время занятий стандартные «керосинки» запрещались.

– Я стану смотрителем Датаполиса, – сказала она немного заученно. – Меня будут звать Ива. Я поселюсь в комнатах на самой вершине столицы и начну восстанавливать транспортные пути обеих линий.

– Довольно специфичные амбиции для десятилетней девочки, – заметил учитель. Земфира улыбнулась снова. Если она поняла не все слова, то не подала виду. Похоже, ее будущее действительно предопределено.

– Не сомневаюсь, что ты станешь смотрителем, – сказал Ион. – Но я спрашивал не об этом. Я спрашивал, кем ты сама хочешь стать.

Девочка немного подумала.

– Смотрителем, – ответила она. – Я же сказала.

– Домашнее задание было не таким, – пояснил учитель. – Тебе нужно было подумать не над тем, кем ты будешь, а над тем, кем ты хочешь быть. Может, смотритель – это не то, чего тебе хочется?

Теперь Земфира была озадачена. Она определенно не задумывалась о таких вещах. После секундного триумфа Ион мысленно пристыдил себя – не хватало еще начать интеллектуально самоутверждаться за счет детей.

– Я всегда знала, что стану смотрителем, – сказала девочка. – Так говорили мама, папа и Кипарис…

– Хорошо, – согласился Ион. – Пусть так. А ты знаешь, что общего у имен Кипарис и Ива?

Девочка помотала головой.

– Вспомни, каких жителей Датаполиса ты знаешь, – добавил учитель. – Вспомни тех, кто живет в первых пилонах. Там есть Береза, Граб, Тополь. Ты знаешь, что означают эти слова?

– Можно я скажу? – Женя снова поднял руку.

– Да, – обратился к нему Ион.

– Это названия деревьев. Из учебника. Я наперед почитал!

– Совершенно верно, – Ион положил руку на обложку «Флоры». – После Катастрофы были найдены вот эти книжки. В них описаны основные растения всего мира. Растения – это такие формы жизни, которые пропали и теперь уже не существуют. Вернее, они есть, но в метро вы их не найдете.

– Да, я вспомнила, – белые зубы Земфиры наводили на учителя непонятную тоску. – Я видела два дерева.

– Где видела? Здесь, в метро?

– Одно растет в Датаполисе, и еще одно – в нашем доме, на Площади Независимости.

Ион пожал плечами. Он не считал чужих денег, не старался прикидывать, насколько богата та или иная семья Креста. В этом шатре все экономические границы стирались, покуда его основная аудитория пребывала в возрасте, который позволял ее отдельным представителям общаться между собой на равных. Но иногда услышанное сбивало его с толку. Что он должен думать, внезапно узнав, что одна из доверенных ему детей каждый день видит перед собой настоящее, живое дерево, но при этом не способна узнать его в книге? Чему он может научить такого ребенка?

Тимка начал листать книгу, громко шурша страницами.

– Почему здесь нет грибов? – спросил он. – Мамка говорит, что они тоже растения.

– Ну, не совсем, – поправил его Ион. – На самом деле грибы – это не растения.

– Почему? Они ведь растут?

– Грибы – это грибы. Они так и называются. Есть царство растений, есть царство грибов…

– Но мамка говорила, что грибы – растения.

– Может быть, – сдался Ион. Видимо, не стоит втолковывать ребенку то, что и до Катастрофы даже не каждый взрослый знал. Но зато он мог рассказать про эти книги кое-что более захватывающее…

– Здесь вы видите учебники «Флора». У всех дома есть такая книга?

– Да, – хором сказали дети.

– После Катастрофы люди начали собирать все ценное, что могло найтись в метро, – начал учитель. – И была найдена куча учебников «Флора». Они никому не были нужны, ничего не стоили, и их было так много, что вскоре на всех станциях метро оказалось по несколько таких книг. Сначала ими просто разжигали костры. Когда читать стало нечего, люди опомнились и начали эти книги беречь. «Флора» стала книгой, которая объединила население Креста. Деревья стали тем, о чем могли поговорить двое любых жителей метро, даже незнакомых друг с другом. Эта книга была настолько популярной, что самые важные люди, к примеру начальники станций, начали брать себе имена из этой книги. Заслужить имя дерева стало очень почетно. А теперь самое интересное. Скажите, у кого в книге была вырвана страница?

– У меня, – снова послышался хор голосов. Дети переглянулись в недоумении, затем каждый взял свою книгу и принялся листать до нужного места.

– Вот так, – покивал Ион. – Во всех этих учебниках не хватает одного и того же листа. Страниц шестьдесят семь – шестьдесят восемь.

– Почему? – спросил Рома.

– Этого никто не знает. Ни почему эти книги оказались в метро, ни почему в каждой не хватает одних и тех же страниц. Кто-то вырвал этот лист из каждой книги – а ведь их было много!

– Где найти книгу со всеми страницами? – спросил Тимка в нетерпении. Ион почувствовал, как исследовательский азарт передается и ему, но в ответ сумел лишь пожать плечами.

– Если кто-то найдет полную книгу, то он станет очень богат, – ответил учитель. – Ни у кого нет полной. Поверьте мне. Когда кто-нибудь найдет «Флору» со страницами шестьдесят семь – шестьдесят восемь, об этом узнает все метро. Но пока, к сожалению, это остается тайной. Имеем лишь тот факт, что кто-то притащил в метро сотни одинаковых книжек о деревьях, вырвав вручную из каждой один и тот же листок.

– Зачем?

– Говорю же, никто не знает.

Тимка с досадой посмотрел на срез страницы, словно мог взглядом заставить появиться отсутствующий листок.

– А я хочу быть купцом, – неожиданно подал голос Ваня.

– Отлично, – одобрил Ион. – Почему купцом?

– Они богатые, – мечтательно ответил Ваня. – Особенно купцы из «Скифа». У них всегда есть много патронов, жетонов, они катаются на личных дрезинах, с охранниками. А еще без них власть смотрителя ничего не стоит.

Парень задорно перекинулся взглядом с Земфирой, и девочка опустила глаза, немного покраснев. Ион внутренне порадовался за Ваньку. Наверное, стоит оставить взаимоотношения следующего поколения на усмотрение его же представителей.

– А ты, Тимка, кем хочешь стать? – спросил он.

Тимка, который до этого что-то рисовал карандашом в учебнике, не бросил своего занятия.

– Я хочу стать сталкером, – ответил он.

Женя посмотрел на него в восхищении, Земфира невольно отодвинулась в сторону. Ион осторожно положил руку на свой экземпляр «Флоры».

– Сталкером, – повторил он. – И почему?

– Сталкеры помогают нам выживать, – ответил Тимка, продолжая рисовать. – Они бывают там, наверху. У них есть костюмы, оружие, и они…

– Что – они?

– Они свободны.

Ваня добродушно хлопнул Тимку по плечу, глядя на Иона в ожидании поддержки.

Учитель тяжело вздохнул.

– Тимка, – начал он. – Быть сталкером очень непросто.

– Потому я и хочу им быть.

– Те, кто ходит наверх, лишены нормальной жизни, Тимка. У них ничего нет. С ними никто не здоровается, их никто не уважает. У них не бывает семьи. Ты же хочешь, чтобы у тебя была семья, когда вырастешь?

– Я хочу быть сталкером, – упорно повторял мальчик. – Только не как Метроград. Как «Птицы». Они лучше.

– Как угодно, – смирился Ион. – Хотеть кем-то стать и стать им – не одно и то же.

Громкий вой донесся до них. Тимка бросил рисование, дети дружно выбежали наружу. Ион не стал их останавливать – вышел следом, нахмурился. Он хорошо знал, что означает этот звук гудка на южном блокпосту.

Приход дрезины. Ничего особенного, если подумать.

Но только не в тот день, когда дрезина уже приезжала.

Транспорт из Датаполиса приходит раз в сутки в одно и то же время – аксиома, на которой основан был распорядок и скромный быт на Лукьяновской. Никто не присылает вторую дрезину всего через полчаса после первой без видимых на то причин.

У блокпоста Ион оказался одновременно с парой десятков человек.

– Что происходит? – то и дело слышались расспросы. Ион предпочел стоять на месте, чтобы не терять детей из виду.

Когда вой прекратился, послышался быстрый стук. Кто-то спрыгнул на рельсы и забрал оттуда малыша Егорку. Спустя несколько мгновений на станцию въехала моторизованная укрепленная тележка закрытого типа. Сбоку, за фонарем, был установлен знакомый штандарт.

Вздох изумления прокатился по толпе. Личный транспорт Кипариса – это вам не шутки.

Открылись створки дверей кабины, слегка лязгнув смотровыми бронепластинами. Наружу вылезли двое мужчин в разгрузочных жилетах и с автоматами.

Толпа сделала шаг назад. Ион остался стоять на месте, держа Тимку и Земфиру за руки. Что там случилось, в столице? Неужели война?

Из дрезины выбрался третий. Учитель узнал его. Секретарь смотрителя, по имени Арсений. Имени дерева он себе так и не заработал – ходили слухи, что за чрезмерную эмоциональность, проявляемую при принятии решений. И сейчас вид секретаря полностью оправдывал его репутацию. Арсений был смертельно

бледен. Его взгляд испуганно бегал по встречающим.

– Ион! – крикнул он. – Мне срочно нужен учитель Ион!

Глава 2. Враг изнутри

Силуэт на вершине наклоненного шпиля ничем не привлекал внимания. Хищный, заостренный клюв подчеркивал профиль головы, казалось, намертво сросшейся с телом застывшего крылатого чудища. Но это было лишь иллюзией – существо могло двигаться столь же свободно, сколь и замирать на месте. В этом мире другие не выживали.

Огромный выпуклый глаз распахнулся, хищник устремил взор на покрытые рыжей растительностью строения. Для кого-то это было развалинами мертвого города. Для почти невидимого в темноте птеродактиля все вокруг являлось естественной средой обитания. Он не помнил другой картины с самого рождения, никогда не вдыхал иного воздуха. И не мог представить, что всего несколько поколений назад – для его биологического вида, разумеется, – этот мир был ярким и солнечным. А того, что птеродактилей в то время не существовало, ему не могла подсказать даже генетическая память, поскольку ее попросту не было. Зато собственная память сидящего на крыше создания работала на полную катушку, накапливая бесценные сведения о навыках выживания. Придет время, и далекие потомки гордо расправят крылья, воспарят в небесах над кривым рельефом, безбоязненно выхватывая с поверхности топчущиеся белковые массы, дерзнувшие выползти из укрытий наружу. Но пока что птеродактиль не загадывал так далеко. У него были собственные задачи, и он собирался освободить пребывающий в зародыше новый мир от остатков ядерной скорлупы.

Город казался пустым и безжизненным. Заблуждение, для многих ставшее трагическим. Киев дышал и развивался. Кажущееся затишье скрывало непрерывную борьбу за выживание, в которой участвовало множество сторон. Одни пытались отвоевать себе место под Солнцем, другие – место во тьме. Были и те, кто укрылся под землей. И они иногда выходили на поверхность обожженной планеты. Птеродактиль знал это и терпеливо ждал. С высоты шпиля ему были видны многие точки выхода наверх, которыми пользовались

подземляне. Ему еще ни разу не удавалось захватить эту странную добычу, сопротивлявшуюся ему при помощи непонятного оружия, не издававшую запаха, покрытую неровным панцирем. Как-то птеродактилю удалось сбить кусок панциря с верхней части одного из существ. Оно тут же пристроило недостающую часть обратно, а его соплеменники отогнали нападавшего странными колющими стержнями, которые к тому же плевались чем-то очень горячим. Раны были не смертельными, но болезненными и заживали долго.

Эти существа не были легкой добычей, но и угрозы не представляли. Они лишь сновали в норах и время от времени затаскивали вниз разные нелепые предметы. Птеродактиль смутно чувствовал, что подземляне не вписываются в картину мира. Они были слишком медлительны, никогда не ходили по одному. Природа еще не успела распределить постъядерную живую материю по принципу «убей или будь убитым», так что добыча могла на поверку оказаться еще большей встречной угрозой, чем хищник, дерзнувший попробовать ее на вкус. Поэтому сидящий наверху птеродактиль не воспринимал подземлян как добычу. И даже если бы они были таковой, то все равно не стоили бы многочасового ожидания. Просто птеродактиль совсем недавно обрел то, что следовало оберегать любой ценой, и поэтому впервые в жизни нервничал. Он был обязан узнать о подземной угрозе чуть больше. Иначе создания могли добраться до него со своим странным оружием. А что подземляне умели карабкаться наверх и спускаться обратно, птеродактиль уяснил уже давно.

Солнце вышло из-за горизонта, тщетно пытаясь пробиться сквозь сплошную завесу сизых туч. Порою лучам удавалось разорвать облака, чтобы ненадолго осветить унылые контуры развалин, заставить бурые лианы съежиться и уползти в руины. Но не сегодня. В этот день оранжевой звезде было суждено оставаться бледным пятном в небесной бездне, побежденной мутной грозовой пеленой. Казалось, Земля пытается укрыться от осуждающего глаза матери, подобно одаренному ребенку, не оправдавшему надежд. Тучи обещали дождь. Это значило, что если подземляне не выйдут сейчас, то ждать их придется долго. Птеродактиль терпеливо выжидал.

Новорожденному миру явно не хватало летописца. Его история не закончилась, как предполагали жители подземного слоя, – она проходила очередной, важнейший этап формирования новой жизни, перед которым меркли все более ранние события, пришедшиеся на эпоху расцвета некогда господствующей в этих краях расы. Расы, остатки которой укрылись в каменных кишечниках, испугавшись последствий собственных игр. Они так и не дали себе времени на

то, чтобы вырасти. Крылатый хищник никогда бы не опустился до такого. Если бы он знал, по каким причинам вымерло почти все население планеты, то очень бы удивился. В любом случае он был намерен исправить упущение и отправить выживших подземлян к своим погибшим собратьям.

Момент настал. Птеродактиль дождался.

Вдали, чуть правее массивного строения, произошло движение. Хищник сменил позицию, покрепче уцепившись когтями за холодный, проржавевший металл шпиля. Перепончатые крылья слегка затрепетали.

На поверхность, на расстоянии нескольких неторопливых взмахов крыльев, вышли двуногие существа. Сегодня они были чуть другого цвета, чем обычно, и двигались более неуклюже. Первое насторожило птеродактиля, второе взбодрило. Он больше не собирался медлить.

Раскрыв клюв и издав тихий клекот, птеродактиль оторвался от шпиля, взлетая к струям ледяного ветра.

* * *

Когда-то пятерка сталкеров, возглавляемая Кондором, знавала лучшие времена. Кондор вспоминал об этом каждый раз, когда выходил на поверхность полумертвого города. И все чаще он задавался вопросом, что считать лучшими временами. Позади они или впереди?

Раньше сталкеров было больше, но о городе они знали гораздо меньше, чем сейчас. Каждый раз, выходя наверх, группа добытчиков – вернее, одна из групп – имела чуть больше веры в завтрашний день, больше уверенности в себе, больше оборудования. И при всем этом – значительно меньше знаний о том, что там, в тумане – новая жизнь или новая смерть.

Сейчас Кондор понимал: вера в себя, энтузиазм, оптимизм – все это должно было скомпенсировать сталкерам недостаток опыта, необходимого для выживания. Когда ты прешь с автоматом наперевес сквозь радиоактивную зону, то вести тебя может только уверенность, что найдется способ пройти участок до конца, не подавившись собственными легкими – ни сейчас, ни на следующий день.

Никто из сталкеров Креста в то время не падал духом, не получал серьезных ранений, но это продолжалось примерно до тех пор, пока подземных ресурсов для вылазок наверх было больше, чем людей, желающих ими воспользоваться.

Как только начался дефицит, ситуация сильно изменилась. Словно повинуясь неким скрытым законам природы, число сталкеров начало сокращаться. Преимущественно от болезней и несчастных случаев, не все из которых происходили наверху.

Вопреки ожиданиям, первыми закончились не фильтры для противогазов, не патроны и не лекарства. Первыми закончились башмаки. Рельеф зараженного Киева представлял собой удивительную в своей хаотичности мешанину из обломков асфальта, вязкой почвы, трескающейся глины, невидимых луж, осколков металла и стекла, выбеленных костей и черепов, щебенки, камней, арматуры и прочего. Никакая обувь долго в таких условиях не держалась.

Собственно, обувь и стала причиной смерти первого из сталкеров. Кондор пытался вспомнить его позывной, но не сумел. В то время у многих не было никакого позывного. Зато Кондор помнил, что парню было двадцать три года и обут он был в настоящий фирменный «адидас», не в какую-нибудь китайскую подделку. Вспомнив это, Кондор напряг лоб: а сам фирмовый «адидас», случаем, не в Китае делали?

Словом, боты у парня были первый сорт: с прочной подошвой, крепкими шнурками, считавшиеся, наверное, до войны обязательным атрибутом любого урбанизированного молодого человека. Магазины, где продавались такие штуки, стерлись в ядерную пыль еще до рождения молодого сталкера, так что добыл он их уже в метро. И в тот злополучный день он наступил на проржавевшую раму, оставшуюся от немецкого внедорожника. Пропорол себе ногу, тут же испуганно отскочил в сторону, запрыгал на здоровой ноге, сжимая подошву голыми руками. Кондор еще помнил струйку крови между его пальцами. Поскользнувшись, парень упал и наткнулся виском на другой конец той же рамы. Наглухо.

Кондор не был первым, кто бросился к нему. Погибшему было уже не помочь. Возможно, следовало сделать вид или убедить свою совесть, что парня еще не поздно отнести в Шлюз, где, быть может, его удастся вылечить.

Но Кондор не сделал ничего: лишь повернулся спиной к месту происшествия и вел наблюдение, мгновенно поняв, что если сталкеров пасли какие-нибудь гипотетические мародеры, то нападут они именно сейчас, пока внимание группы приковано к безвольно лежащему телу.

Этот день был первым, когда Кондор почувствовал, что людям в метро не хватает чего-то очень важного. Он долго не мог сформулировать, чего именно, хотя эта мысль ночами не давала ему спать.

Спустя несколько недель, когда число сталкеров сократилось на добрую треть, он понял, чего им не хватало: собственного, нажитого самостоятельно опыта, который привел бы их к простой истине, что прошлое надо оставить позади и рассчитывать только на себя. Жить так, будто твое поколение – первое в новой истории. И не только ему, Кондору, но и всем обитателям Креста, а также тем, кто мог выжить снаружи. Дело в том, что люди, которые не первый год жили в метро, по-прежнему в своих мечтах и стремлениях руководствовались опытом предшественников, живших до Катастрофы. Они видели свое будущее исключительно как одну из версий прошлого. Вся их жизнь была направлена на то, чтобы вернуть что-то, утраченное ранее. Считалось, что для понимания опасностей и возможностей будущего надо заглянуть в старые добрые времена и искать аналогии там. В самом же будущем как таковом никто вдохновения не искал. Все верили, что завтрашнее утро будет некой копией прошедшего. Воспринимать саму идею чего-то нового люди разучились. Вероятно, раньше они боялись это делать, а потом забыли.

Кондор считал, что в этом и состояла ошибка всех выживших: они не очень-то представляли, что им с этой новой жизнью делать, воспринимали ее как эпилог к чему-то заглохшему и видели своей миссией это заглохшее запустить вновь, вдохнуть топливо в отказавший двигатель.

Сталкеры делали ту же ошибку.

Выбираясь наверх, они начинали воспринимать город именно как город, угрюмую тень чего-то былого. Им нужно научиться видеть окружающий мир свежим взглядом новорожденного, для которого былого мира не существовало в принципе. Кое-как сформулировав эту мысль в своей голове, Кондор понял, что ему как раз первому и надо научиться познавать мир с нуля. С тех пор он перестал выходить в зараженный Киев и начал выбираться в другой – в котором послевоенные реалии были нормой.

После этого он чудесным образом стал видеть отклик своей теории в умах товарищей. Первым из них был Ворон. Тогда его, как и Кондора, звали по-другому. Но в то время первые позывные сами по себе мало что значили. С ними едва ли не случайно определялись перед очередной вылазкой. Из ныне выживших сталкеров Ворон оказался единственным, кто тоже был тогда с Кондором во время смерти парня в «адидасах». Он никак не комментировал тот случай.

Ворон был молчаливым, незаметным, отлично работал руками и старался не высказывать мнения ни по какому поводу, оставаясь малопонятным даже для своих товарищей. Со временем он немного расслабился, но приступы замкнутости никуда не пропали. Главное, что он оставался надежным и доводил до конца любое порученное ему дело. Кондор никогда не спрашивал Ворона о его возрасте, но предполагал, что на момент Катастрофы тому было уже по меньшей мере лет двенадцать. Возраст, когда начинают формироваться некие первичные идеи и мечты. Какими бы они ни были, Ворон нашел им реализацию в метро, став сталкером.

А стать сталкерами могли далеко не все. Для этого недостаточно было просто скучать по былым временам или терзаться клаустрофобией. Среди первых сталкеров Креста встречались самые разные ребята: с психологией первооткрывателей новых земель или же с мышлением обычного дворника, который считал своим долгом хотя бы символически прибраться наверху. Кондор так и не мог понять, к какой из культур принадлежал Ворон, но был уверен, что, если бы не Катастрофа, тот закончил бы свои дни в тюрьме. Чувствовалось в нем что-то бунтарское, какой-то доведенный до абсурда скептицизм.

Воробей казался противоположностью Ворона. Он явно был моложе, активнее, уделял большое внимание своей физической форме. Будучи самым низкорослым, парень мало спал, мало ел, не имел практически никаких вредных привычек и свою кличку оправдывал полностью. Хотя так же, как и остальные сталкеры, никакого постоянного позывного он изначально не имел, но ассоциация с мелкой птицей напрашивалась сама собой. Кондор долго не мог понять, как шустрому парню удалось подружиться с Вороном. У них обоих обнаружилась одна и та же черта характера: в любой компании они предпочитали молчать, пусть и по разным причинам. Если по многим вопросам Ворону было нечего сказать, то Воробей всегда имел на все свое мнение, но стеснялся его высказывать.

Еще большей противоположностью им обоим был Аист. Редкий болтун, неизменный рассадник оптимизма. Вопреки всем дутым весельчакам, пытающимся улыбкой скрывать депрессию, Аист банально не был подвержен никакой хандре. Каким-то непостижимым образом он обладал способностью справляться с кучей проблем, попросту озвучив их. Если Аист описывал задачу своими словами, со своей неповторимой интонацией, то подбирал такие выражения, что проблема казалась пустяком, не стоящим внимания. Хотя Аист, как и все остальные, родился до Катастрофы, он совершенно ее не помнил, равно как и жизнь до нее. И все же в его подсознании явно оставались какие-то воспоминания, потому что Аист сильно отличался от людей, родившихся в метро.

Например, одной из странных привычек Аиста было постоянное ношение на поясе разряженного револьвера с ярко-желтой рукояткой. Когда Кондор не утерпел и спросил, зачем он это делает, Аист ответил, что если ему понадобится в кого-то стрелять, то он сперва одной рукой вытащит пистолет, другой – патроны, вставит патроны в револьвер, приготовит к бою и уже потом прикинет, не изменилось ли за это время что-нибудь. Если в процессе этих приготовлений желание стрелять пропадет, то он снова разрядит оружие. Однако если стрелять все же понадобится, то он сделает это без рассуждений. После чего все равно разрядит оружие и больше никогда не будет вспоминать об этом случае.

Кондор не стал спрашивать, какую же цель Аист мог встретить в метро. Собирался ли он стрелять по консервным банкам или же имел мишень посерьезнее? В один прекрасный момент он умудрился лишиться своего револьвера, как выразился, на рынке Датаполиса. Отнесся к этому философски, со смущением пожал плечами, да так и не обзавелся новым.

В следующем месяце он получил какие-то новости из столицы и впал в страшную депрессию. Казалось, Аисту сильно повезло в тот период остаться без оружия под рукой, поскольку ближайшей целью он увидел бы себя. Затем, словно что-то переломив внутри, Аист вырос в настоящего сталкера за одну ночь размышлений и пространных бесед с товарищами и с тех пор ни разу не дал повода в себе усомниться. Еще в нем все чаще стали просматриваться лидерские качества, хотя Кондор был уверен, что, случись с ним что-нибудь, Аист окажется наименее подходящим кандидатом, который мог бы его заменить.

Последним в их компании был Феникс. В отличие от всех остальных, этот сталкер носил свой позывной давно. Еще с тех времен, когда их команда никак

не ассоциировалась с пернатыми. На лице сталкера расходился большой ожог, захватывавший щеку, половину уха, и опускавшийся на шею. Это случилось во время одной из вылазок на поверхность, при попытке протащить в метро газовый баллон. Никого из текущей команды Кондора в составе той группы не было. Феникс ушел с совершенно другими людьми, которые как один полегли во время взрыва, оставившего Фениксу отметку на всю жизнь. Собственно, вся их экспедиция совершила кучу косяков, один из которых оказался фатальным.

Самым неприятным стало то, что газ в метро был и не нужен особо. Команда шла всего лишь за баллоном, который планировалось подзарядить внизу сжатым воздухом, чтобы позже приспособить его в кустарную систему автоматических помп для откачки подземных вод. То есть никто не собирался переть вниз баллон с газом. Команда Феникса решила стравить газ прямо наверху, и, видимо, случилась искра. Вряд ли кто-то осознанно лупил гаечным ключом по баллону или стрелял рядом с ним. Кондор никогда не спрашивал, кто был виноват во взрыве. Феникс казался достаточно здравомыслящим, чтобы не курить поблизости. И все же в той вылазке он был главным и нес всю ответственность. А потому он винил себя. С тех пор Феникс никогда не пытался брать на себя руководство чем бы то ни было и очень любил одиночные марш-броски, которые иногда случались во время экспедиций.

Все пятеро оставались вольными сталкерами, даже находясь фактически на службе Креста. Они были свободны. В старом мире их бы считали нелепыми насекомыми, временами выползающими на поверхность яблока, чтобы найти другой проход внутрь его же. В новом мире метро они были «Птицами». И продолжали ими оставаться, даже когда в Датаполисе, а затем и во всем Кресте, сталкеры опустились на социальное дно, а их репутация рухнула вниз, в бесконечную пустоту. Подобно настоящим птицам, они продолжали рисковать жизнью каждый день, собирая все, что могли найти, от еды до материала для обустройства гнезда. И при этом все чаще задумывались, где же их истинный дом: в гнезде или в небесах?

* * *

Гермозатвор с тихим рокотом закрылся. Стержни плотно встали в пазы и выдвинулись, разделив мир на две части.

Кондор поправил шлем, по новой затянул ремень на левом рукаве. Сколько ни подгоняй снарягу в Шлюзе, все равно окончательная калибровка осуществляется наверху. А если комбез приходится надевать впервые в жизни, то тем более нужно смотреть во все глаза и примечать каждую мелочь.

Конкретно к данному костюму у Кондора была претензия. Вмонтированный фонарь, встроенный точно поверх грудной клетки – бесполезная и слишком тяжелая штука. Еще низкие бронебойные качества самого костюма, но кому они нужны наверху? Как критически Кондор ни осматривал комбинезон до выхода, других изъянов в нем не обнаружил. Коснувшись рукой шлема, сталкер привел в действие радиосвязь.

– Феникс, – произнес он.

– Есть, – прозвучал ясный голос. Даже треска нет. Просто шикарно. Все же умеют в столице радиотехнику делать…

– Ворон.

– Да, слышу, – ответил коренастый сталкер, оглядывая автомат.

– Воробей.

– Да.

– Аист.

– Здесь Аист.

– Баобаб.

– Есть, и я протестую, – раздался в ухе сталкера возмущенный голос. – Почему мое имя называют последним? Это случайность или скрытое выражение пренебрежения?

Кондор подавил желание врезать прикладом по широкому пузу. Мол, вот тебе и открыто выраженное пренебрежение – ясное и без полунамеков. На секунду он

даже задумался: а что было бы, если бы он, в самом деле, ударил представителя администрации? Хрен бы там смотритель сумел выдумать меру пресечения, не бьющую по графикам работы сталкеров. Прижмешь одного – четверо просто не выйдут на промысел в следующий раз. И прощай, канал поставок в обход Метрограда.

Повернувшись, Кондор строго посмотрел на Баобаба. Сквозь шлем выражение его глаз вряд ли было заметно, но богатое воображение толстяка нарисует картину лучше, чем маслом на холсте. Тот испуганно попятился и точно упал бы, если бы Ворон его не попридержал. Достаточно. Толстяк сам себе выдумает, чего захочет. Лишь бы не мешал больше. Очень скоро он поймет, что метро и его законы с собой на поверхность не взять. Все это понимают, рано или поздно. Лучше, конечно, рано.

Подъем по разбитым ступеням застывшего эскалатора прошел без приключений. Хорошее начало.

– Добро пожаловать наверх, – сказал Кондор, осматривая пейзаж. Никаких изменений. Пожухлых растений сталкер уже не замечал.

Самое плохое в новой оснастке: не чувствуешь своей спиной остальных товарищей. Вроде бы и нет причинно-следственной связи, а все равно. Ощущение чужой, непривычной защитной материи не покидает ни на секунду. Сбивается микроклимат, меняются шаг, темп движения, появляется некоторый рассинхрон в действиях. И все же Кондора беспокоило другое. Смотритель чересчур расточительно выдал снаряжение для такого простого дела. Выбраться через Шлюз у планетария, дойти до Дворца «Украина», вернуться обратно. Только и всего. Хотя Кондор каждый день мечтал о новом снаряжении и радиосвязи, не говоря уже о роскошном оборудовании Креста, он понимал, что для каждой мелочи есть своя область применения, особенно в условиях жесточайшего дефицита в метро. И банальная вылазка наверх, когда можно было дойти до соседней станции Шлюза по годами изученному фарватеру, где знаком каждый камень, никак не попадала под категорию опасных. Относительно других, конечно. Любой из команды Кондора мог проделать этот полуторакилометровый путь в обычной «химзе», даже не сменив фильтра. И при этом не попасться на глаза разведчикам Метрограда.

Выход во внешний мир в защите, превышающей требуемый уровень, конечно, не причиняет такого вреда здоровью, и в целом более безопасен, но всегда есть

нюансы. Каковы побуждения человека, рискнувшего выбраться из уютных туннелей наверх? Сколько костюмов у него осталось в резерве, чтобы он не боялся пропороть герметичный комбинезон куском металлического хлама? Как далеко он намерен зайти, в каких условиях и чего хочет от этой жизни? Любой гражданин Датаполиса от таких вопросов посмотрел бы на Кондора как на сумасшедшего, чувствуя при этом явное облегчение: надо же, юродивые и в самом деле оказались не в себе. Вот только для Кондора куда важнее было мнение товарищей, чем изнеженных граждан города. Он мог послать к черту даже всех жителей Креста.

Однако с Кипарисом спорить – вредно для комфорта. Так что Кондору и его команде, которую с легкой руки смотрителя уже давно стали называть «Птицами», выдали пять новеньких комбезов. Всего на один раз. Причина невиданной щедрости смотрителя Датаполиса была проста.

Проверка. Учет и аудит.

Собственные сталкеры даже в большей степени, чем мифические красные, оставались дырой в бюджете Датаполиса и персональной мозолью смотрителя. Вечные изгои, живущие под самым боком столицы киевского метро, всего в одном перегоне от сердца Креста, единственные поставщики ценных благ старого, довоенного мира. Их боялись, ненавидели, от них шарахались, как от чумы. С ними очень редко здоровались – собственно, их и видели не часто. В Датаполис сталкеры путешествовали только по крайней надобности, хотя столица и провозглашалась открытой всем гражданам метро. Гораздо чаще к сталкерам присылали гонцов. Работа последних была несложной: прибыть на правительственной дрезине, проверить принесенное с поверхности добро, замерить уровень радиации, насвистывая при этом что-то незатейливое, погрузить на дрезину и укатить обратно. Уже позже Кипарис все проверит лично и распорядится выдать работникам ножа и фонаря соразмерную зарплату: патроны, еду, воду, лекарства, разные приятные и полезные мелочи. Хотя чаще были неприятные и бесполезные. Даже смешно, что большая часть всего этого добра сверху как раз и притаскивалась – пусть даже бойцами чуждого Метрограда, а не командой Кондора.

И даже на таких условиях работать гонцами соглашались не все. Общение со сталкером для гражданина Датаполиса было чем-то вроде чистки свиньи. Отправиться к сталкерам в их логово означало – поставить на себя долгоиграющее клеймо зараженного, и никакие счетчики не смогли бы убедить

перепуганного гражданина, что ему не придется теперь мочиться фосфором. Ну и, разумеется, к женщинам сталкеров не подпускали. К чему плодить мутантов?

Однажды в город притопали барыги с самой Лукьяновской, чисто подработать гонцами между базой сталкеров и Датаполисом. И подрабатывали. Какое-то время. Пока Кипарис не сообразил, что это влетает в патрончик и дешевле будет назначать поход в Шлюз как административную меру наказания.

Сам Метроград, конечно, тоже давил на администрацию Датаполиса. Чудом стало уже то, что с ним вообще считались. Кучка бандитов, переквалифицировавшихся в сталкеры, недолго коптила промозглые, продуваемые помещения подземного торгового центра, так и не ставшего полноценным убежищем. Идея с парным патрулированием киевских улиц провалилась подчистую, две трети смельчаков скукожились от радиации, непонятных хворей и внутренних разборок, и тогда последняя треть догадалась забаррикадироваться на территории. Под руководством генерала Ольшанского Метроград кое-как выжил. После смерти генерала вся их система полетела кувырком, новые заправилы оказались вынуждены сотрудничать с располагавшимся прямо под ними Датаполисом, у которого чудесным образом продолжали функционировать системы водной и воздушной фильтрации. Так и установилась нехитрая экономика: «метроградовцы» тащат с поверхности грязные ресурсы и обменивают их на относительно чистые.

Система оказалась до того элементарной, что скоро во всем Кресте практически не осталось людей, желавших самостоятельно вылезать наверх. Если кто и соглашался променять станции с перегонами на бескрайние просторы зараженной поверхности, его всегда ждали в Метрограде как желанного добровольца. С одной оговоркой: путь назад был ему заказан. Не то чтобы Метроград не выпускал своих – скорее, гражданство Креста при таком выборе автоматически аннулировалось.

Таким образом и создалась репутация сталкеров как отбросов общества – несмотря на то, что это же общество продолжало существовать и даже кое-как развиваться именно трудами сталкеров.

И все же Кипарис подстраховался, не стал окончательно резать собственную систему вылазок наружу. Так что команда Кондора сохранилась, пусть и оказалась вытеснена на пустынную, полузатопленную Олимпийскую…

А затем и статьи расходов на сталкерство стали урезать.

Кондор отказывался понимать эту дикость. В мире метро, в зависимой от внешних вылазок среде, где автономность была лишь удачной иллюзией, идея о вводе каких-то сокращений казалась началом конца. И все же это было так. Не будь Датаполис столь зависим от поставок сверху, Кондор бы решил, что сталкеров решено тихо заморить. Вожак сплоченной группы хватался за неизменный принцип: не расценивать как зло то, что может быть объяснено глупостью. В конце концов, ядерную войну, которая стерла почти все живое с лица планеты, можно было объяснить только таким способом.

Так что сокращение. И проверка. Администрация Креста единогласно утвердила идею ревизии. До банального грабежа гнезда «Птиц», конечно, не опустились. Кипарис умел работать тонко. Сталкерам объявили внеплановую вылазку и дали в надзиратели своего человека. Невыразимо жирного советника по имени Баобаб. Отрядили, не спросив, и даже нашли для него еще один костюм с замкнутой системой дыхания, в котором могла поместиться эта редкостная туша. Баобаб должен был своими глазами посмотреть, как работают Кондор и его парни, действительно ли среднестатистический рейд требует с сотню-другую дорогих патронов, и вообще – стоит ли овчинка выделки.

С этим Кондор отчасти смирился. Но, как назло, сама суть операции подразумевала введение новых условий, не лучшим образом влияющих на ее исход. Лишняя вип-персона, не являющаяся боевой единицей, и незнакомое снаряжение. Поскольку сталкерам требовалось не просто пройтись от одной станции к другой, попутно захватив что-нибудь любопытное, а еще и защищать Баобаба, то конкретно на эту ходку Кипарис снаряжения не пожалел. Отсыпал с барского плеча и костюмов, и шлемов, напичканных электроникой, и оружия. Правда, от оружия Кондор отказался наотрез. Поставил жесткое условие – он пойдет только со своим, проверенным стволом. И его команда – тоже. Новенькие, промасленные «калаши» из запасов Креста могли прельстить Кондора только в дебрях относительно дружественного туннеля и не далее чем в паре перегонов от столицы, но никак не на поверхности, где гламурные железяки запросто могли подавиться кустарными патронами, изготавливаемыми на Печерской. Так что, Кипарис, идем со своими. Либо дай больше времени на пристрелку.

Времени Кипарис не дал, поэтому пришлось ему соглашаться на условия сталкеров. Сам Баобаб поперся в тугом и жарком скафандре, взяв с собой

«калашников» с кучей патронов. Его, собственно, и баллотировали в контролеры лишь потому, что толстяк худо-бедно умел стрелять. Хоть и страшно не любил это дело.

Кроме того, стрелять он собрался деньгами.

Надо сказать, от представителя администрации Кондор ничего другого и не ожидал. Довоенные патроны, пролежавшие нетронутыми много лет, в мире метро котировались как всеобщий экономический эквивалент. Попросту говоря, они стали местной валютой, сменив на этом посту старинные бумажные аналоги. Реформу ввел предшественник Кипариса, когда выяснилось, что для создания единой экономики лучше всего воспользоваться теми аналогами разменной монеты, которые на момент начала этой реформы складированы у тебя самого. Сказано – сделано. По метро быстро распространилось определенное количество блестящих патронов разного калибра, собственно, как и оружия. Стреляли ими редко. Для этой благородной по местным меркам цели преимущественно использовались самодельные патроны – недаром Печерская при случае солидно отваливала сталкерам левака за притащенную снаружи марганцовку и коробки со спичками. В прежние годы тамошние самоделкины не гнушались заказать и кардан от старой машины, на основе которого могли состряпать безоткатное орудие для охраны блокпоста. Работало. Охраняла пушка станцию от всякой нечисти, временами прущей из туннелей на свет. Ровно до тех пор, пока не взорвалась прямо на месте, разметав стрелков в клочья. И все же обитатели Печерской, стиснув зубы, лишь повздыхали по этому поводу. Потому как без этой системы охранники бы померли гораздо раньше. Или не выдержали бы стены туннеля. Было это еще до объединения обеих веток в Крест. Темные были времена, анархичные…

– Куда идем? – спросил Баобаб.

Кондор прикинул маршрут. Нужно что-то безопасное, но не очень. Тупизна ситуации заключалась в том, что им крайне нужна была какая-нибудь небольшая переделка, чтобы толстяк понял, что тут еще порою шастают всякие твари. Понял так, чтобы его отчет Кипарису о тяжелых сталкерских буднях блистал красноречием Цицерона. Писанина толстяка настолько же превышала установленный лимит расхода бумаги, насколько талия превосходила физические нормы человека его возраста. Именно размеры Баобаба раздражали Кондора даже больше, чем заносчивость. В метро не толстели. В метро добреть было негде. Не нужно жрать крыс – уже счастье. На каких харчах сидела

администрация – знали только те, кто имел к ней отношение.

Короче, нужно топать от точки А к точке Б по оптимальному маршруту. Найти пару светляков или хортов, пристрелить. Не найдут – черт с ними, Аист пальнет в зияющий провал окна и скажет, что видел какое-то движение.

– Идем на юг по Васильковской, – ответил Кондор. – Вдоль дороги, не высовываясь на середину. Держитесь домов.

Баобаб замолчал. Он усиленно щелкал дозиметром, крутясь по ходу движения во все стороны. Кондора это бесполезное занятие совсем не веселило. В страхе человека перед внезапно ставшей враждебной природой не было ничего смешного. Сталкер тоже часто ощущал предательское, давящее желание просканировать аппаратурой каждый сантиметр земли в надежде найти свободную от радиации зону. Все же он был не молод и в свои сорок шесть хорошо помнил время до Катастрофы. И тоже поначалу пытался нащупать его дозиметром, найти волшебную дверь в загубленный мир.

Осторожно ступая по испещренному трещинами асфальту, Кондор вел команду на юг. Отсюда ему был виден купол планетария с огромной дырой. Кондора всегда интересовало, что могло проломить купол. Сам он туда не забирался, но Ворону удалось. По его словам, ничего там не было. То есть абсолютно ничего, даже остатков мебели и оборудования, не говоря уже об обломившихся фрагментах купола. Лишь четыре внешние стенки. А из центра смотрит черный провал воронки, уходящей глубоко вниз, куда не достигает свет фонаря. Сталкерский «мегаторч» – бывший фонарь мирового класса, чей луч стал новой мерой длины, за его пределы соваться решительно не рекомендуется. Очевидно, что-то проломило крышу сверху, да еще с такой силой, что застряло на порядочной глубине. И затем из дыры стала наведываться какая-то дрянь. Иначе откуда эта непонятная слизь на стенах? Это вопрос номер один. А вопрос номер два: кто же истошно вопил в стенах планетария в прошлом году? Явно ведь не человек.

Впрочем, людей Кондор как раз встретить и не опасался. С Метроградом давно установлен прочный пакт о ненападении, а других людей быть тут не могло.

Планетарий остался позади. Перекресток. Кондор внутренне напрягся, заглядывая за угол. Иногда тут приходилось постреливать. Со стороны

Протасова Яра случались наплывы уродливых четвероногих, похожих на собак. Иначе как наплывом такую ораву и не назвать. Волна хортов неслась от реки на запад, чтобы позже вернуться обратно. Случалось это аккурат во время дождя. Зрелище не для слабонервных. Кондор догадывался, в чем причины такой миграции. При прочих нормальных условиях ливень затопляет коллекторы за пару минут. Наверняка хорты там и жили. Проверять сталкеры и не думали, конечно. Они старались не соваться в сторону Яра без причины, разве что случалось прошвырнуться по вокзалу – неисчерпаемому источнику материальных благ. Хотя Кипарис за шкуры хортов, бывало, платил премиальные. Из них в свое время повадились шить костюмы для граждан Датаполиса. Кондор мог только догадываться, сколько с продажи таких шкур наваривали «скифские» челноки, промышлявшие торговлей в северных районах. В родной обители «скифов», на южной ветке Креста, моднявые шмотки столицы спросом не пользовались. Что было неудивительно, учитывая нищету местных бродяг и полное отсутствие практической ценности предметов роскоши. Это вам не батарейки и не топливо для дизеля.

Дождь еще не начался – можно было пока не опасаться. Сталкеры перестроились, пройдя участок кругом. Баобаб перестал возиться с дозиметром. Кондор отметил про себя, что толстяка пейзаж не особо и трогает. Впрочем, смотреть на внешний мир тому уже приходилось, пусть и не вылезая из подземного. На Лукьяновской, где расположена школа для детей, была оборудована смотровая площадка – одну из сохранившихся вентиляционных шахт, ведущих к самой поверхности, переделали в обзорную башню, навесив сверху толстенное выпуклое стекло. Было это еще во времена первых сталкеров и при их прямом содействии. Когда их профессия еще считалась почетной.

– Кондор, шпиль, – послышалось в ухе.

Командир мигом остановился, устремив взор на возвышающиеся башни костела Святого Николая. Одна из башен накренилась, но не упала, так и оставшись сверлить шпилем небо. Сейчас на нем виднелось что-то темное, чего раньше не было. В следующий момент распахнулись огромные крылья, и летающий ящер взмыл к тучам.

– Птер, – сказал Аист.

Приехали.

– В укрытие, – коротко скомандовал Кондор. Без паники, подумал он. Ничего не случилось. Отойти в сторону, забраться в пустующие витрины бывшего продуктового, стараясь не хрустеть стеклом. А хищник покружит немного и исчезнет.

– Что это? – испуганно спросил Баобаб. – Летающая птица? Так вот она какая?!

– Да, – огрызнулся Воробей. – Чаще на свежий воздух выбираться надо.

Толстяк возмущенно покачал головой, стараясь что-то рассмотреть наверху.

– Убейте ее, – сказал он.

Сталкеры посмотрели на него как на сумасброда.

– Что? – Кондор подумал, что качество связи его все-таки подвело.

– Убейте птицу, – повторил Баобаб. – У вас же автоматы. Я хочу посмотреть.

– А еще у меня зубочистка есть, – добавил Аист. – Не желаете, чтобы я птичке клювик отполировал?

– Аист, не надо, – поморщился Кондор. – Баобаб, птеродактиля так просто не победить. Даже в шесть стволов. И думать нечего, это слишком опасная тварь.

Толстяк вздохнул с сожалением. Даже сквозь резиновый шлем Кондор услышал клекот, издаваемый ящером. Мелкие рыжие травинки склонились к земле от внезапного порыва ветра. Птер опустился перед витриной на удивление изящно, ничего не задев. Баобаб икнул и попытался спрятаться за металлическим шкафом.

– Замри, – сказал Ворон. – Если мы не станем шевелиться…

Кондор впервые наблюдал птеродактиля в подобной близи с того дня, когда тот во время неудачной атаки сорвал шлем с Воробья. Командир сталкеров старался в любых обстоятельствах видеть возможности, так что не упустил шанса рассмотреть хищника повнимательнее, пополняя свою базу данных о внешнем

мире. Не так уж много зная о доисторических ящерах, он все же понимал, что летун явно превосходил их мощью, хотя и уступал в плане природного совершенства. Это действительно был хищник, вооруженный к тому же огромными когтями, которыми мог поднимать добычу и уносить ее на порядочное расстояние. Когда ящер, чуть повернув голову, раскрыл клюв, сталкер заметил, что он густо усеян несколькими рядами маленьких острых зубов. Нескольких из них не хватало. Птер находился так близко, что Кондор сосчитал и клыки. Их было восемь. Крепкие перепончатые крылья, вне всякого сомнения, способные поднимать птицу вместе с грузом, у основания были украшены кроющими крыльями. Явный признак смешанной эволюции. Потомкам птера еще только предстояло развиться в стойкий биологический вид и занять свою нишу. Если, конечно, другие виды не будут против. Кондор мог заложить свой лучший нож, что будут.

Птеродактиль продолжал смотреть. Учитывая размеры его глаз на вытянутой морде, невозможно было понять, куда конкретно он смотрит и осознает ли вообще, что видит. Он наклонил голову, как будто прислушиваясь, демонстрируя при этом иссиня-черный гребень, сужающийся к толстой шее и продолжающийся до самого хвоста, который, ко всему прочему, был украшен сизой чешуей. Для сходства с драконом птеродактилю не хватало только соответствующей пасти и более грозных пропорций.

Заурчав, птеродактиль расправил крылья и поднялся в воздух. Кондор обнаружил, что взлетать с земли ящеру было тяжеловато. Недаром он обычно старался приземляться туда, откуда можно спикировать вниз. Полезное наблюдение, подумал сталкер. Нужно отметить.

– Ну что, Баобаб? – проворчал Ворон, кладя ствол автомата на плечо. – Все еще хочешь попробовать пострелять в птичку?

Толстяк замотал головой. В его скафандре это было почти незаметно.

Все разом перевели дух. Кондор ощутил, что у него участилось сердцебиение, и приказал себе успокоиться. Впрочем, было от чего нервничать.

– Ждем минуту и выходим, – сказал он. – Двигаем дальше, ничего не случилось.

– Вы это видели? – возбужденно заговорил Аист, пытаясь найти ящера в небе. – Он смотрел на нас! Такого раньше не было.

– Умнеют, твари, – изрек Ворон, глядя на часы с компасом. – Завтра, может, начнут пирамиды строить. А мы все в муравейниках копошимся.

– Он… большой, – испуганно произнес Баобаб. – И что, тут все такие, как он?!

– С чего ты решил, что это самый крупный?

Представитель администрации затрясся. Кондор решил больше не нагнетать напряжение.

– Строиться цепочкой, идем западным маршрутом, – скомандовал он, шагнув к Аисту.

В следующий миг резкий толчок сотряс витрину. Люди попадали наземь, металлический шкаф упал на Ворона. Раздался громкий гул, затем – скрежет, потолок над головой обрушился, и в комнату свалился валун весом не менее двух центнеров.

– Какого хрена?! – заорал Феникс.

Кондор подскочил к шкафу и принялся его толкать. Воробей уперся плечом, и вдвоем они высвободили товарища.

– Ты как, цел? – спросил Воробей.

Ворон покачал головой, что можно было с равным успехом понять как «да» и «нет». По стеклу его противогаза мелкой паутинкой проходила россыпь трещин.

– Дышу нормально, – послышался в ухе Кондора его голос. – Но не вижу почти ни хрена.

– Осторожно! – крикнул Феникс, начав пальбу прямо в небо.

Кондор инстинктивно припал к полу, готовясь отскочить в случае чего. Рев птеродактиля, пронесшегося вдоль Большой Васильковской мимо витрины, перекрывал шум его крыльев, но не мог заглушить грохот нового камня, пущенного ящером в людей. Пущенного прицельно, заметил Кондор. По касательной. Птица их выманивала.

Каменная глыба сокрушила обветшалую стену.

– Бежим! – крикнул Кондор, выскакивая на улицу. – К Шлюзу!

Команду не потребовалось повторять дважды. Ясно было, что летающий ящер способен запросто разрушить весь дом. Так что следовало бежать, и немедленно, причем в сторону, противоположную направлению полета птички. В большинстве своем стандартные переходы сталкеров представляли собой чередование черепашьего и спринтерского продвижения. Как и положено особям, которые не являются охотниками, но и добычей становиться тоже не желают. Так что бег во внешнем мире для сталкеров чем-то особенным не был.

А вот о Баобабе этого сказать было нельзя. И без того грузного телосложения, затянутый в сплошную резину человек поспевать за сталкерами никак не мог. Хотя глуп он, как заметил Кондор, точно не был и не тратил попусту дыхания на жалобы или вопли, не говоря уже о расспросах. Заморочен – да, к тому же редкий сноб. Но не дурак.

Выходящий последним Ворон споткнулся, качая головой. То ли трещины на стекле в самом деле мешали ему смотреть, то ли легкая контузия приключилась. А до Шлюза метров четыреста. Совсем хреново. Кондор стиснул зубы: сколько раз он уже просил у Кипариса средств, чтобы оборудовать внешнюю полевую базу. Хоть рулон прорезиненной материи, чтобы оснастить строительный кунг, на худой конец. Любое место, где можно обработать рану или поменять шлем, не вдыхая ни грамма радиоактивной пыли. Опасности – фигня, обычному сталкерюге остро не хватает самых простых вещей: возможности снять противогаз, вытереть лицо, передохнуть минутку, не опасаясь нападения со спины. Подходящих для этой цели стальных оболочек хватало, как и простейших генераторов, но такое количество герметика, кроме как в Датаполисе, достать было негде. Однако смотритель очень не любил чужую автономию. Никому не нужен второй Метроград.

Птеродактиль возвращался. На этот раз без камня.

– Вперед! – заорал Воробей. – Аист, мочи его!

Аист присел на одно колено, прижал «Винторез» к плечу. Он лучше всех умел пользоваться винтовкой и знал это. Хотя никогда этим не гордился. В прицеле мелькнула длинная голова. Нажав на спуск, Аист тут же выстрелил второй раз и откатился в сторону.

Ящер с воплем захлопал крыльями, словно закрываясь от пуль. Он учел прошлый опыт и был готов терпеть боль какое-то время. Рванувшись вперед, птеродактиль налетел на сталкеров.

На этот раз его встретили в пять стволов. Перекресток Большой Васильковской мигом затянуло дымом, ящер почти сделал сальто в воздухе. Раскрыв клюв чуть ли не во всю ширину, продукт смешанной эволюции издал дикий визг. Затем острые когти впились в Баобаба, и птер улетел с вопящей добычей к башне костела Святого Николая.

Кондор остался стоять, сжимая дымящийся автомат, даже забыв механически сменить опустевший магазин. Впервые в жизни.

– Твою мать, – только и выговорил Воробей.

Глава 3. Точка зрения

Сильнее сжав руку Земфиры, Ион шагнул вперед.

– Я здесь, – сказал он. – Что случилось?

Арсений не сразу понял, кто именно ему ответил, что взбудоражило Иона еще сильнее. Уж секретарь определенно должен помнить учителя в лицо – в словесных баталиях за шатер на Лукьяновской они провели не один час.

– Вы?! – вскричал секретарь с дрожащим подбородком. – Скорее, поехали! Нельзя терять ни минуты, времени мало!

Тимка осторожно взглянул на учителя. Не ему одному поведение Арсения казалось необычным.

– Успокойтесь, пожалуйста, – мягко попросил Ион, чувствуя, как его голосу внимает половина станции. – Расскажите, что случилось в столице. Всем интересно знать.

– Приплыли, – неожиданно проговорил один из охранников, сплюнув на пол.

Механик Дмитрий, до этого внимательно следивший за происходящим со своей скамьи, поднялся с неодобрительным видом.

– Слышь, ты мне тут не мусори, – пригрозил он. – А то пол буду мыть твоей кровью.

– Что ты сказал? – спросил охранник, чуть подняв автомат.

– Дмитрий, не надо, – покачал головой Ион. – Не при детях.

С угрюмым видом помолчав, механик отвернулся. Было понятно, что при малейшем оскорблении он даст понять зажравшемуся столичному мусору, что другие станции в метрополитене все же существуют.

Толпа тихо загудела.

– Вы хотите, чтобы я поехал с вами? – уточнил Ион.

– Да! – ответил секретарь, переминаясь с ноги на ногу. – Пожалуйста. Это очень важно!

– Я не могу просто оставить здесь детей. Вы же сами знаете…

– Все в порядке! – послышался тонкий голос.

Земфира заулыбалась. Из кабины вылезла Татьяна. К изумлению Иона, на ней красовался ее белый халат. Неужто ее выдернули прямо с рабочего места?

– Тань, что там случилось? – спросил Ион.

– Сама не знаю, – ответила девушка. – Езжай. Я посижу с детьми.

– А что, если…

– Просто садись в дрезину, – сказала Таня почти шепотом. – Там у них все мрачно.

– Пожалуйста, скорее, – умолял Арсений. – Дело очень важное. Я по дороге все объясню.

Ион обернулся. Таня уже уводила детей к шатру. Лишь Тимка озадаченно озирался.

– До свидания, учитель, – сказал он.

Машинально кивнув, Ион сделал шаг к секретарю.

– Это надолго? – спросил он. – Давайте, я вещи свои соберу, если что.

– Не нужно, – сказал Арсений. – Возьмите только паспорт.

Ион коснулся нагрудного кармана.

– Он у меня всегда с собой, – ответил он.

– Вот и чудесно! Поехали!

Меньше чем через минуту дрезина тронулась с места. Ион осознал, что впервые в жизни едет в личном транспорте смотрителя. Он периодически видел этот символ роскоши с подростковых лет, мечтал прокатиться в нем, воображал себя то в кресле управления, то на пулеметной башне.

Сейчас ему не хотелось воображать ровным счетом ничего. Запах старой пыли, будто собранной с каждого перегона по щепотке, отбивал любую фантазию. Учитель едва не наткнулся плечом на один из сварочных швов – об удобстве внутри правительственной дрезины задумывались еще меньше, чем на самых обычных технических колясках. Вероятно, безопасность тоже была лишь кажущейся. Пусть снаружи сидят двое пулеметчиков и еще огнеметный расчет, который обычно помогал заводить мотор – это мало поможет пассажирам, абсолютно беззащитным в случае, если они останутся без наружной охраны. Насколько Ион мог судить, внутри не было никаких рычагов, чтобы привести дрезину в движение без помощи оператора спереди. Не было даже замка, чтобы закрыться изнутри. Зато был установлен самодельный кожаный диван и два узких кресла разного размера, так что собеседники не имели возможности комфортно расположиться лицом к лицу или хотя бы вытянуть ноги, не упираясь в сапоги соседа. Вдобавок вся конструкция дико скрипела и шумела, а ведь дрезина шла даже не на электричестве. Стоит охране запустить мотор, как от туннельного эха бронепластины задребезжат похоронный марш.

Все это Ион заметил за пару мгновений, испустив еле слышный вздох разочарования. Воображаемая карета, достойная элиты, так и осталась в воспоминаниях. В действительности здесь оказалось темно, холодно и неожиданно душно. Учитель ощутил злость.

– Я слушаю, – проговорил он. – Что у вас за проблема? Кто меня вызвал и зачем?

В отличие от Иона, секретарь, похоже, чувствовал себя в дрезине более чем комфортно. Откинувшись на спинку кожаного дивана, он чуть расслабился.

– Прежде всего, скажите кое-что, Ион, – попросил он. – Я помню, сколько сил вы потратили на то, чтобы в метро появилась школа. Тогда это решение казалось мне лишенным смысла, но сейчас и я, и Кипарис полагаем, что это хорошая идея.

– Благодарю, – сухо сказал Ион.

– О чем вы рассказываете детям на своих занятиях?

– Это имеет отношение к тому, зачем мы едем в столицу?

– Да, имеет.

– Я не могу ответить так просто, – Ион даже рассмеялся. – Мы с ними… просто болтаем обо всем подряд. Я же просто их развлекаю. Умел бы играть на гармошке – играл бы. Читаю им, что могу, рассказываю, что знаю…

– И что, никакой глобальной задачи?

– Почему же, – не стал отрицать учитель. – Моя задача – поведать им о позитивных деталях довоенного мира, чтобы им было во что верить.

– А вы считаете, что разбираетесь в довоенном мире?

– Не меньше, чем любой другой житель Креста.

– В самом деле? – Арсений покачал головой. – Сколько вам лет, учитель?

– Это так важно? – осторожно спросил Ион.

– Вы же наверняка не помните мир до Катастрофы. А если и помните, то совсем не так, как следует. Любой человек старше вас хотя бы лет на десять способен гораздо больше рассказать о прошлом.

– Но не любому человеку доверят детей.

– Ах, да, – секретарь отвернулся, глядя на медленно проплывающие за смотровым окном своды туннеля.

– Именно так, – спокойно подтвердил Ион. – Послушайте, я не строю иллюзий по поводу своей исключительности. Да, я родился примерно во время Катастрофы и почти не помню мир снаружи. Почти все из того, что я рассказываю, мне самому пришлось изучать по книгам и свидетельствам очевидцев. Однако я, по крайней мере, это делал – старался воссоздать картину прошлого мира. Говорите, я не видел его самолично? Совершенно верно. Только через поколение это не будет ровным счетом ничего значить. К тому времени попросту не останется людей, помнящих мир до Катастрофы, в то время как знания нужно будет передавать. А те, кто помнит его сейчас, не спешат делиться своим мнением – не в последнюю

очередь из-за проводимой Кипарисом политики.

– Я бы поспорил, – признался Арсений. – Не забывайте, что я работаю в штабе смотрителя.

– Вы мне напоминаете об этом регулярно с тех пор, как я начал слать запросы о школе. Но давайте начистоту. Школа нужна, и это факт. Когда-то я отстоял эту идею в одиночку. Теперь на моей стороне не меньше сотни человек, которые рады возможности пристроить ребенка в надежное место в любой момент. Я назвал себя Ионом, в честь давно забытого термина из школьного учебника. Меня называют «учитель» те, кто не помнит или не знает моего нового имени. Многие забыли истинный смысл этого слова, считая, что учитель – это тот, кто похож на меня. У меня нет никакого образования, нет педагогических навыков. Но у меня есть репутация надежного человека, которому можно доверить сына или дочь. Знаете, что я понял? Доверие в метро ценится выше всех денег. Понимайте как хотите, но школа в пределах Креста – обязательное условие для нашего с вами будущего. Будущего всего метрополитена…

– Кстати, о надежности. На вас вроде положила глаз одна из девушек столицы. Так?

– Ну, и что? – учитель заметно помрачнел.

– Сколько ей лет?

– Не сомневаюсь, что вы это знаете.

– Вы правы, знаю. Даше восемнадцать, хотя вы были вместе и раньше. Почему она не переехала к вам, на Лукьяновскую?

– Давайте не будем, – жестко сказал Ион. – Это наше личное дело. Я не намерен давать объяснения.

Усмехнувшись, секретарь наклонился к нему поближе.

– Для человека, который усердно изучал довоенный мир, вы мало знаете современный, – сказал он почти шепотом. – На территории Креста брак можно

узаконить уже в шестнадцать.

– Когда я захочу обнародовать суть наших с Дашей отношений, вы станете первым, к кому я схожу на поклон, – заверил Ион. – Будьте уверены.

– Буду, – пообещал секретарь, снова напуская на себя равнодушный вид. Он хотел что-то добавить, но сдержался и вместо этого с раздражением забарабанил пальцами по обивке кресла.

– Скажите, – вымолвил он. – Вы рассказывали детям о Метрограде?

– Только то, что все и так знают.

– О «Птицах»?

– Про команду Кондора как раз неизвестно ничего.

– Ясно. А о «Красном варианте»?

Ион медленно потер щеку.

– Нет, – ответил он. – Я все же не совсем сволочь, раз уж вы меня таковой считаете.

– И даже намеков не делали?

– Намеки, как и другие, более красноречивые детали, дети видят каждый день на любой станции. Истерию по поводу «Красного варианта» разжигают на каждом углу. Вылезайте порою из своей будки с печатной машинкой, пройдитесь хотя бы по уголкам Датаполиса – много интересного услышите.

– Вы ходите по уголкам куда чаще, – заметил Арсений. – И слух у вас, несомненно, лучше. Пожалуйста, расскажите о «Красном варианте» мне.

– Что?

– Прошу вас. Мне бы хотелось освежить в памяти народные стереотипы. Говорю без иронии. Я и в самом деле мало что знаю об этом.

Дрезина плыла по рельсам слишком медленно. Тяжело вздохнув, Ион попытался вызвать в памяти все осколки нужных знаний, которые целыми годами кропотливо собирал в единую схему.

– Как вам известно, наше метро насчитывает две ветки, – начал он. – Я беру в расчет сохранившиеся и населенные. Куреневско-Красноармейская и Сырецко-Печерская. Соответственно, на картах они нарисованы синим и зеленым цветами.

– Правильно.

– Всего же веток было пять. Однако к началу войны две из них еще не были введены в строй. Может, их и не начинали строить, я не знаю. Так что по назначению практически использовались всего три. Те две, которые я описал, плюс еще одна, самая большая. Святошинско-Броварская, тянущаяся через весь Киев почти по прямой и делящая его на две части. Линия красного цвета.

– Забавно слышать, как вы говорите о ней в настоящем времени.

– На случай ядерной войны существовал план, позволявший превратить весь метрополитен в единое убежище, – Ион не стал обращать внимание на подколки секретаря. – Согласно плану, все три линии должны были сохранить между собой связь, общие системы водоснабжения, возможность перемещения – словом, все для автономной жизни. При этом Красная линия целиком зависела от двух других – ведь именно у нас находились склады и припасы.

– Продолжайте.

– После Катастрофы, когда все немного поулеглось, оставшиеся в метро люди начали налаживать жизнь. И тут обнаружилась странная вещь. К Красной линии оказалось невозможно подступиться изнутри. По какому-то дикому стечению обстоятельств были завалены все переходы, все туннели и лестницы, все возможные шахты. При этом Синяя и Зеленая ветки более-менее уцелели, и с одной на другую можно было свободно перемещаться. Собственно, так и возникло новое государство – Крест. Точка пересечения обеих веток стала

центром торговли, названным Датаполисом. Вот, в общем, и все, что я рассказывал детям.

– Кстати, откуда взялось это название? – поинтересовался Арсений. – Вроде бы оно не совсем по-русски звучит. Да и в украинском я такого слова не помню.

– Как это? – не поверил учитель. – Вы что, в самом деле не знаете?

– Нет. Признаться, ни разу не интересовался, а теперь вдруг загорелся вашим энтузиазмом.

– Да блин! – Ион не утерпел, полез в задний карман штанов и вытащил потертую карту метро. – Видите?

– Что я тут должен увидеть?

– Как называются станции на пересечении?

– Дворец Спорта.

– А смежная с ней станция Синей ветки?

– Площадь Льва Толстого.

– А теперь возьмите первые буквы всех слов в обоих названиях.

– Дэ, эс, пэ, эль, тэ, – перечислил секретарь, и его лицо чуть прояснилось – А, ну да.

– Перемешайте буквы, затем попытайтесь составить из них слово, добавив гласные звуки по своему усмотрению, – предложил Ион. – Слово «Датаполис» само полезет к вам в голову. Рано или поздно. Я даже исследование проводил. Жители метро сами придумали название столице нашего государства, вот оно и прижилось. Теперь уже мало кто помнит, с чего все начиналось. Но я и не подумал бы, что секретарь смотрителя не знает собственной истории.

– У меня много других забот, – пробормотал Арсений. – По большей части коммунальных.

– Дело ваше. Так вот, Красная ветка оказалась потеряна. Не было никакой возможности искать там выживших – именно ввиду отсутствия доступа туда с нашей стороны. А ведь если в Киеве вообще могли оставаться живые люди за пределами Креста, то только на «красных» станциях.

– Логично.

– Когда только начинали развивать Крест, пошли разговоры о спасательной операции. Дескать, надо всеми правдами и неправдами пробиться на Святошинско-Броварскую линию. Еще через какое-то время людям в Кресте стало остро не хватать личного пространства. Каждый думал о родственниках и близких, которые теоретически могли выжить, кто-то хотел переселиться туда, где есть хотя бы одно свежее лицо. Даже явные бандиты имели желание пробиться в соседнюю комнату, чтобы было где жить и грабить. Идея висела в воздухе. Для кого-то она была сорняком, мешавшим налаживанию быта, для других – цветком надежды…

– Можно без излишеств, пожалуйста? – попросил Арсений.

Ион улыбнулся.

– Наконец, имел место типичный информационный голод, – сказал он. – Словом, меньше чем через год после создания Креста в метро только и было разговоров, что про потенциальное выживание «красных».

– Вполне предсказуемо.

– Еще бы. Можно сказать, именно стремление проникнуть на заваленную линию послужило основным толчком к возникновению сталкерства. Ведь припасов и технологий оказалось столько, что жителям Креста в принципе не было никакой нужды выходить на поверхность в ближайшие годы. Никто ж не знал, что мы тут застряли надолго… Первые вылазки – окончившиеся, разумеется, плачевно для смельчаков – были нацелены именно на то, чтобы попасть на Святошинско-Броварскую ветку с поверхности. Сталкерам для этих целей подходила любая станция.

Секретарь взял карту Иона и принялся ее рассматривать.

– И тут эффект таинственности спровоцировал истерию, – продолжал Ион. – Станции оказались заблокированы и сверху, на всем протяжении Красной линии. На местах всех известных спусков обнаружились груды камней, проседания, затопления, радиоактивное заражение, и почти везде – все эти прелести, вместе взятые. Даже если удавалось прорваться через трудные участки, дальнейший путь всегда преграждали обвалы. Причем устроенные изнутри. Такое просто не могло оказаться случайностью.

– И каково объяснение?

– Никакого.

– Это уже звучит совсем странно.

– И все же ответов никто не нашел. Это факты, известные не только мне. И я уверен, что истины никто не знает. В метро невозможно никакую тайну сохранять достаточно долго. Здесь на вес золота даже такая чепуха, как пропавшие страницы из «Флоры».

– Вы полагаете, это чепуха?

– Я полагаю, это просто чья-то глупая шутка. Но в метро полно безумцев, верящих, что на шестьдесят восьмой странице «Флоры» спрятаны тайные знания, которые могут многое объяснить или вернуть. Чертежи вечного двигателя, рецепт долголетия, координаты какого-нибудь генератора эдемских кущ. Так уж устроен человек – ему нужно во что-то верить.

– Вернемся к «Красному варианту».

– Я почти закончил. Когда слухи по поводу замурованной ветки метро превратились в легенды, сложилась настоящая устойчивая теория заговора, согласно которой все странности и упущения в Кресте вызваны происками выживших со Святошинско-Броварской ветки. Этот заговор и назван «Красным вариантом». Достаточно удобный способ объяснить абсолютно все, что может происходить в метро или за его пределами.

– Благодарю, – сказал секретарь. – Вы убедили меня в том, что о «Красном варианте» действительно никто ничего толком не знал до сегодняшнего дня.

– Что вы имеете в виду? – спросил Ион с тревогой. – Как это – до сегодняшнего?

– Это и есть причина, по которой мы с вами едем в столицу, – ответил Арсений. – Час назад «Птицы» нашли на поверхности человека.

– Какого еще человека?!

– Мы не знаем, – сказал секретарь, чуть помедлив с ответом. – Надеюсь, он окажется просто неизвестным сталкером откуда-то с диких южных станций. Однако у нас есть подозрения, что он… не отсюда.

– Вы хотите сказать, что нашли человека с Красной ветки?

Произнеся эти слова, Ион понял, до чего странно они звучат. Он вжался в сиденье дрезины, несущей его к ответу. Если «Красный вариант» получит подтверждение, изменится весь уклад жизни в метро…

Секретарь поерзал в кресле.

– Говорю же, мы не знаем, – ответил он. – Но у нас есть подозрения, что именно вы поможете нам это выяснить.

– Я? – Ион подавил желание протереть глаза. – Вы что, нашли ребенка?

– Нет, – вздохнул Арсений. – Просто один из жителей Датаполиса сумел опознать неизвестного. И этот житель… да, я полагаю, его вполне можно назвать ребенком.

Глава 4. Враг снаружи

Крик толстяка продолжал отражаться в ушах сталкеров. Радио действительно работало отлично.

Хлопая крыльями и издавая при этом доселе не слыханный свист, птеродактиль долетел до крыши костела, где сбросил Баобаба в одну из дыр в крыше, возле сигнатурки. Сам при этом сел на стрельчатый шпиль одной из двух больших башен, сложил крылья и замер. На фоне готических линий храма он смотрелся фееричным, но вполне уместным элементом архитектуры.

Кондор, наконец, взял себя в руки.

– Вперед, – сказал он. – Баобаб еще жив.

– Мы что, пойдем туда? – задал вопрос Воробей.

Это не было возражением. Сталкер просто уточнял детали.

– Пойдем, – ответил Кондор, внимательно следя за ящером. – Как только этот пеликан перестанет на нас смотреть.

Сталкеры присели за углом, следя за птеродактилем через многочисленные щели в стене. Крик Баобаба перешел в слабый стон. Ящер посидел немного и скрылся в верхних помещениях храма. Кондор не представлял, что он там мог делать. При размерах хищника ему должно было быть там очень тесно, несмотря на сложенные крылья.

– Баобаб, ты меня слышишь? – отчетливо произнес Кондор.

Баобаб не отвечал. Однако ныл вполне ясно, чтобы можно было понять, что ласты он пока не склеил.

Рванувшись было к храму, Кондор почувствовал на плече хватку и тут же остановился.

– Погоди, – предостерег Феникс. – Подумай.

– О чем?

– Ящер не убил его, даже не раздавил. Зачем ему Баобаб нужен живым?

Кондор тут же понял, что ему пытаются растолковать.

– Хочет, чтобы мы пришли на помощь и сами попали в логово? – произнес он. – Нереально.

– Командир, подумай.

– Уже подумал. Своих не бросаем.

– А кто предлагал бросить? – поднял брови Феникс. – Я лишь говорю, чтобы ты был осторожен.

Перехватив дробовик, Феникс в несколько секунд преодолел расстояние до ворот костела.

– И вообще, Баобаб не свой, – сказал Воробей, мчавшийся рядом с остальными. – Все свои тут. Так что мы овертайм играем. Толстяк, слышишь? Киданул ты нас! Лежи смирно и не шевелись. Мы идем!

Ворота костела со времен Катастрофы пришли в такое ужасающее состояние, что Кондор не смог понять, были ли они декоративными или нет. Во всяком случае, в их центре виднелись и самые обычные двери. Теперь они были покорежены, на правой заметны были следы сильного удара изнутри. Открыть их было невозможно.

– Мы тут раньше не были, – буркнул Ворон. – Заглянем на огонек?

– Постучи, – предложил Феникс. – Может, откроют.

Кондор посмотрел наверх. Все было тихо.

– Воробей, закладывай, – велел он, отступая назад.

Все попрятались по различным нишам, выбитым в стенах. Воробей перекинул автомат на спину, плавным движением открыл карман на поясе, вынул небольшой пенал – оранжевый многоцелевой футляр. Аккуратно приклеил его к двери несколькими кусками изоленты. Двуперекисью ацетона сталкеров снабжала уже не Печерская – взрывчатку мутили научники в лабораториях Контрактовой Площади. Детонаторы у них тоже имелись, самого простейшего типа. Лампочки с батарейкой.

Но Воробей воспользовался еще более простым способом. Отбежал на противоположную сторону улицы, снова достал автомат, прицелился в пенал.

– Салют, – произнес он и потянул спусковой крючок.

Взрывом выбило дверь. То ли сказались процессы разрушения, то ли лаборанты чего-то нахимичили с составом – уже было не понять. Звуки взрыва и выстрела слились в один оркестровый хит, толчок сотряс здание, и сверху послышался рев ящера.

– Заходим! – крикнул Кондор, запрыгивая внутрь первым.

На оценку внутреннего пространства костела у сталкеров ушла пара секунд. Все, на что нужно было кинуть взгляд в первую очередь, разделялось на живых существ и опасные для здоровья участки. Существ сталкеры не видели, зато опасных участков имелось в изобилии. Пол потрескался до такой степени, что было непонятно, почему ряды почерневших скамеек еще не канули в пучины подземных вод, которые просачивались в туннели Шлюза с завидной регулярностью. Некоторые сиденья чудом уцелели, демонстрируя красный бархат. Должно быть, в прежние времена тут было очень красиво.

Высокие колонны это только подтверждали. В арочном стиле было выдержано практически все – оконные проемы, декор стен, формы потолка. Такого ювелирного качества работы Кондор не видел ни на одной станции метро.

На этом вся красота заканчивалась. Одна из колонн обрушилась у самой базы, перекрывая путь в центр. От величия остальных не осталось и следа. Здесь же валялись две массивные люстры. Третья, поддерживаемая неизвестно какими силами, продолжала висеть, покрытая густым мхом. Все вокруг было затянуто серостью, столь ненавистной Кондору. В полумраке почти ничего не было видно,

и сталкеры мигом привели в действие фонари. «Мегаторчки» осветили пузырившиеся под действием света зеленоватые клейкие массы на стенах.

– Что за дрянь? – медленно проговорил Ворон.

Было и еще кое-что. Кости. Много костей.

Феникс приложил пальцы к шлему, в районе губ. Затем осенил себя крестом и что-то тихо пробормотал. Кондор еле заметно кивнул.

– Феникс, давай брифинг по местности, – сказал он. – Только конструктивно.

– Храм в свое время использовался как склад и архив, – произнес Феникс, стараясь не наступать на останки. – Затем был переделан в дом камерной музыки. Видишь, там, впереди?

Кондор посветил. За побитым алтарем виднелось массивное сооружение из вертикальных труб.

– Что это? – спросил он.

– Орган. Здесь проходили концерты, по всей стране гремели. Когда костел снова вернул себе функции храма, он стал исполнять обе задачи – принимал жаждущих слова Божьего и по совместительству служил концертной площадкой.

Кондор не прерывал рассказа. Сталкеры двигались вперед по левому нефу, к проему в стене. Когда-то здесь были лестницы, ведущие на верхний этаж. Сейчас не сохранилось ни одной. Взбираться приходилось по обломкам.

– Православные пытались убрать орган, – продолжал Феникс, подсаживая Аиста. – Гневались, что храм – это не место для выступлений. Но даже у них не поднялась рука размонтировать систему. Орган стоит здесь, как влитой, к тому же тут волшебная акустика. Да и потом, обустраивали костел все же на деньги музыкальные, а не храмовые. А переносить орган в другое место тоже стоит денег. Его чешские мастера строили прямо тут, под особенности и внешний стиль храма. Черт побери, прости, Господи, но в Киеве всего два органа – здесь и

в Национальной филармонии. Быть может, удалось бы собрать воедино их уцелевшие части и разместить в метро. Кондор, как думаешь, монахи на Почтовой согласились бы?

– Вот у них и поинтересуешься, – ответил Кондор, бесшумно ступая на второй этаж. – И я просил конструктивно. Так, теперь не шуметь.

Тихое ворчание. Птер сидел здесь, согнувшись в три погибели и почти полностью заблокировав проход к сигнатурке. Казалось, он попросту дрых, но Кондор никогда бы в это не поверил. Зато верил в усиленную регенерацию летуна. Наверняка хищник попросту приходил в себя после полученных ран. Стоны Баобаба тем временем перешли в невнятный хрип. Плохо.

– Аист, поищи другой проход к башне, – произнес Кондор, держа под прицелом сложенное, дрожащее перепончатое крыло. – Феникс, помоги ему с маршрутом.

Ящер дернулся, его суставы заметно расслабились. Кондор был уверен, что именно птеродактиль расширил проход в трансепте под свои нужды. Очевидно, ему приходилось лазать по всем закоулкам храма. Сталкер в очередной раз порадовался тому, что на нем был противогаз. Несомненно, вонь здесь стояла невообразимая. Птичка наверняка устраивала склад съестного впрок.

Аист выбрался на крышу, протиснувшись в небольшую щель. Кондор выждал, пока тот начнет подниматься наверх. Скоро раздался шум падающих камней.

Птер сразу пришел в движение. Попытался развернуться и, казалось, застрял.

– Аист! – крикнул Кондор.

– Здесь есть спуск в башню, но это в один конец! – заговорил сталкер. – Оттуда я не смогу… А, черт!

– Аист, – повторил командир, и ящер тут же повернулся к нему.

Кондор упал ничком, уклоняясь от удара клюва, нацеленного в него, подобно пике. На мгновение он успел заметить безумные сферы глаз, пылающих ненавистью к людям. Почему-то от этого они казались более осмысленными.

Воробей открыл огонь над головой командира. Не найти было в метро человека, которому не приходилось бы стрелять в замкнутом пространстве. Не считая граждан Датаполиса, конечно. Так что опыт подсказывал каждому, кто хоть раз побывал в бою, что промаха нужно избегать любой ценой, дабы не было рикошета. Все пули Воробья легли точно в мясистое тело монстра.

Ворон оттащил Кондора назад. Птеродактиль высвободил правое крыло, взмахнув им прямо перед лицом Воробья и чуть было не выбил автомат из его рук. Затем развернулся полностью.

– Кондор, ты… ты не поверишь, что тут за хрень лежит! – орал Аист прямо в ухо. Кондор поморщился, поднимаясь на ноги. Сейчас, дружище, погоди минутку. Вот поднимемся на крышу и сами посмотрим. Только сперва покончим с дятлом. Или он с нами. Все равно, если не выберемся отсюда, нам всем хана.

Шипя и извергая желтоватую слизь из пасти, ящер теснил сталкеров к противоположному краю коридора. Стоявший у самой дыры в крыше Феникс вытянул Ворона наружу, и оба исчезли. Воробей с Кондором нырнули в нагромождение обломков, послуживших им лестницей, и вернулись на первый этаж.

Вернулись – красиво сказано. Кондор грохнулся на спину с высоты трех метров. Чудесно. Спасли рюкзак, шлем и опыт падения. Воробей в полете успел схватиться за край уцелевшей люстры и приземлился на обе ноги. Следом из прохода показалась когтистая лапа, которая пару раз хватанула воздух и снова исчезла.

Пригибаясь от внезапно налетевшего порыва ветра, Феникс смотрел на движение в дыре. На стекло противогаза упала первая капля. Проклятый дождь все же начался раньше, чем они предполагали. Совсем паршиво. Феникс плавным движением поднял тяжелый дробовик с барабанной подачей патронов. Снова прошептал беззвучную молитву. Подождал, пока из дыры появится голова. Выпалил из дробовика прямо в раскрытую пасть птеродактиля, заставив того отпрянуть назад. Быстро дослал патрон, снова нажал на спуск. Перебросил ствол в левую руку, добавил пару зарядов в боковые отверстия. Так, на всякий. Затем повернулся к крыше костела и засеменил вверх по черепице, стараясь не поскользнуться.

Аист продолжал что-то кричать, показывая на сигнатурку. Феникс мог видеть только ногу в резиновой защитке. Баобаб.

Ворон уже стоял наверху и только закончил перезарядку, как крыша оказалась пробита мощным ударом изнутри. Потеряв равновесие, сталкер покатился к краю. Схватился за проржавевший ливнесток, сорвался, повалился на миниатюрный балкон.

– Да твою ж налево, – проскрежетал стоящий внизу Кондор, встряхивая поврежденную руку и снова заскакивая наверх. Воробей перебросил ему второй пенал, на этот раз с прикрученной гранатой. – Парни, не высовываться! Снаружи у вас шансов нет! Заклюет на хер!

Феникс с изумлением заметил, что ящер ударил головой. Шевелящийся гребень первым показался из новой дыры, птеродактиль попытался пролезть полностью. Аист тут же перестал орать, согнулся у башенки, нацелился из винтовки. Поздно. Второй удар чуть не выбросил его за пределы костела. Сталкер схватился за сигнатурку и только поэтому не упал, однако винтовку все же потерял. Феникс вжался в черепицу, глядя, как ящер рвется наружу.

– А хрен тебе, – неожиданно спокойно произнес Аист, поднимая автомат Баобаба. – Денег на тебя жалко.

Выстрел, второй.

Кондор выбрался на тесный этаж, сжимая пенал перчаткой. Птер был прямо перед ним, точнее, его задняя часть. Огромные когти судорожно скребли по бетону, выталкивая ящера наружу. Кондор выхватил нож, просунул его в отверстие пенала, заботливо проделанное Воробьем неделю назад, и с яростным выдохом вбил сталь прямо в спину хищника, точно между бешено бьющихся крыльев. Затем выдернул чеку.

– Монетами стреляю! – кричал Аист, пробивая шкуру птеродактиля одним выстрелом за другим. – Свали в дупло, ящерица!

То ли количество ранений, наконец, доконало ящерицу, то ли довоенные пули в самом деле настолько превосходили кустарные, что разница оказалась весьма ощутимой. Как бы то ни было, монстр снова скрылся внутри этажа, создав

торчащему сзади заряду великолепное замкнутое пространство.

Кондор отпрянул от надвинувшейся на него туши, сиганул в органный зал. Перемахнул через лежащую колонну и укрылся за нею.

Вполне продуктивные четыре с половиной секунды.

Взрыв сотряс весь костел. Кондору показалось, что орган одновременно просвистел всеми трубами сразу, но это могло быть лишь следствием эха. Остатки разноцветных витражей, сохранившиеся с довоенных времен, лопнули миллионами осколков. Куски перекрытий попадали, образовав белое облако. Воздух моментально наполнился цементной пылью. Вниз свалилась оторванная лапа, за ней последовала остальная часть. Птеродактиль издал протяжный рев и грохнулся, быстро теряя густую бордовую кровь. Он все еще был жив и продолжал дико извиваться, стуча головой о разбитый паркетный пол.

Из-за алтаря высунулся Воробей с автоматом. Но стрелять больше не понадобилось. Одна из оставшихся колонн лениво покачнулась, переломилась точно посередине, и ее верхняя часть приземлилась на истекающего кровью ящера.

Кондору приходилось слышать самые разные удары – глухие, звонкие, хлопающие и даже один от ядерной волны, который он до этого считал самым отвратительным. Звук от соприкосновения тяжеленной колонны и птеродактиля казался не иначе как мокрым. Просто мокрый хлюпающий звук. Сталкер искренне надеялся никогда больше ничего подобного не услышать.

Наступила полная тишина, не считая давящего звона в ушах.

Кондор прикрыл глаза, открыл снова. Медленно набрал полные легкие воздуха, задержал, выдохнул. Стало легче.

– Все живы? – спросил он.

Эфир наполнился короткими словами подтверждения.

– Аист, что ты там увидел? – спросил Кондор, выходя с Воробьем из храма. Сидящий на балкончике Ворон махнул им приветственно и снова сел, держась за голову. Его контузии взрыв явно на пользу не пошел.

– Баобаб тут, – ответил Аист, глядя на то же, что и Феникс, с окаменевшим лицом. – Живой. Спустить надо, мы вдвоем не справимся. Но это еще не все. Я кину веревку, поднимитесь, сами посмотрите.

Кондор с нетерпением дождался брошенного троса, конец которого они вдвоем с Воробьем привязали к железобетонному столбу. Затем поднялся наверх как можно быстрее.

– Что там у вас? – спросил он, подбираясь к коньку крыши. – Ну, чего вы молчите, как…

Сталкер осекся, глядя на сигнатурку.

Баобаб лежал на спине почти вниз головой, не помещаясь целиком посреди бережно уложенных бревен, камней и мха, натасканных ящером. Он был помят и дергал пальцами, одна нога торчала наружу. На его скафандре не было разрывов, так что можно было рассчитывать на то, что толстяку неимоверно подфартило.

Вокруг Баобаба лежали три гигантских, в крапинку, белых яйца.

– Да чтоб тебя… – Кондор облокотился на плечо Феникса, но тут же встряхнулся.

– Потомство высиживал, – Аист вяло махнул рукой. – Птенчиков охранял. И вообще, может, это не он, а она.

Кондор молчал.

– Берем Баобаба, – велел он, хватаясь за ремешки скафандра. – Разом!

Толстяка спустили минут через пять. Кондор сел на крышу спиной к гнезду, оглядывая город и восстанавливая дыхание. Да уж. Что ни день, то новость века.

– Что теперь? – спросил Феникс.

– Покончи с этим, – ответил Кондор, готовясь к спуску.

Феникс приготовил дробовик, но выстрелить не успел. Громкий треск скорлупы заставил Кондора подскочить на месте.

Словно почуяв опасность, птенец высвободился из скорлупок почти молниеносно. Он был сравнительно мал – около полуметра в высоту. То есть, подобно давно исчезнувшим крокодилам, оказался раза в три крупнее родного яйца. Перьев на его перепончатых крылышках было куда больше, чем у родителя, а когти казались значительно длиннее, если судить по совокупным пропорциям. Две черные горошины глаз располагались по бокам от вытянутой головы, украшенной синеватым гребнем.

– Стреляй! – крикнул Кондор, нажимая на спуск. Черт, забыл про предохранитель. Промах был исправлен за два движения.

Феникс стоял неподвижно.

Детеныш раскрыл крылья и издал громкий визг на повышенных тонах. Затем схватил лапами оба оставшихся яйца, захлопал крыльями и оторвался от гнезда. Кондор словно прикипел к черепице, глядя, как новорожденный птеродактиль уверенно летит на восток, к реке, унося остатки своей семьи прочь от хищников. От людей.

Кондор опустил ствол.

– Фен, ты почему не выстрелил? – тихо спросил он.

Сталкеры продолжали стоять на крыше костела Святого Николая посреди мутировавшего города, подобно двум зеленым листикам, выжившим в жестокой засухе, уничтожившей необъятные дубравы. Капли дождя продолжали падать, стекая по шлемам.

– Не могу я в детей, командир, – произнес Феникс, глядя на спускающийся над рекой промозглый туман. – Ты уж извини. Не могу…

* * *

Дворец «Украина».

Дождь шел уже вполне уверенно. Над Броварами сверкали молнии, принося угрюмый, ворчащий звук грома. По-видимому, ливень обещал зарядить на сутки. Наверняка вечером снова придется садиться за насосы да по-быстрому латать дыры, а то перегон затопит до уровня рельс. И стоять тогда дрезинам Датаполиса в конюшне. С недельной изоляцией Шлюза и всеми вытекающими.

Баобаб прихрамывал на одну ногу, опираясь на плечи Воробья и Феникса. Молчал. Кондор был этому очень рад. Шок пройдет, а делать выводы из случившегося толстяку еще рано. Хотя надо будет пожертвовать администратору сто грамм, так и быть. После такого дела не жалко.

– Нам не страшен «Серый волк». – просвистел Аист, пальнув разок из винтореза. Показавшийся из-за угла одинокий хорт коротко взвыл, махнул хвостом и упал навзничь, перебирая лапами.

– Скорее! – подгонял товарищей Кондор. Дворец остался слева. Еще несколько метров, и спуск в подземку. Душа постепенно начинала петь. В возвращении с ходки было что-то чудесное. Единственное время, когда Кондор по-настоящему любил метро.

Тут сталкеры и замерли на месте, как вкопанные.

– Стоять всем! – крикнул шедший первым Аист, подняв винтовку.

– Да чтоб меня светляк сожрал, – медленно проговорил Ворон, показывая пальцами обеих рук вперед. – Баобаб, ты это видишь?

Баобаб увидел. Почувствовал, как ноги у него подкашиваются, и свалился – сталкеры перестали его поддерживать. Но он не произнес ни слова жалобы, хотя последние пару минут молчал исключительно из чувства гордости. Его внимание было приковано к тому же объекту, что и у остальных.

На каменных ступенях, ведущих в метро, лежало тело человека в костюме химической защиты. Даже отсюда было видно, что костюм сильно изношен.

Баобаб оглянулся и на всякий случай пересчитал своих соседей. Затем еще раз. Пятеро сталкеров. Все на месте.

– Что за на фиг? – спросил Аист.

Кондор молча подошел к телу. Очень осторожно.

– Костюм не из наших, – сказал он. – И не из «метроградских»… Баобаб! Посмотри сюда. Да посмотри же, мать твою!

Баобаб грохнулся на землю, чувствуя, как медленно теряет сознание от ужаса.

– Кто… Кто это? – сдавленно спросил он.

– Вот ты мне и скажи, – ответил Кондор, переворачивая человека на спину, в то время как четверо товарищей встали вокруг него, держа оружие наготове. – Это не наши костюмы. У вас такие есть?

Баобаб в таких вещах разбирался, и на зрение тоже не жаловался. Голова затряслась на жирной шее.

– Это не наш, – пролепетал он. – Как… Откуда? Новые сталкеры?

– Командир, глянь на лицо, – попросил Ворон.

– Не могу разобрать, – ответил Кондор, пытаясь протереть стекло шлема незнакомца. – Заляпано… кровью. Снаружи. И не человеческой. Сам, наверное, полз сюда и пытался попасть внутрь.

Сталкеры начали озираться. Баобаб неистово захотел в гнездо к птеродактилю.

Красные. Красные.

Мир рухнул.

А за ним и Баобаб, окончательно упавший в обморок.

– Так, берите – и в Шлюз, – распорядился Кондор, быстро спускаясь под землю. – Вам теперь два тела тащить. Внизу разберемся.

– Охрененный день сегодня, – пробурчал Воробей. В туннеле раздавался звонкий звук шагов. – Кондор, я тебе отвечаю. День сегодня – мама не горюй.

Кондор набрал код на панели «гермы». Оказавшись внутри с остальными, мигом стащил шлем, затем противогаз и вдохнул полной грудью знакомый металлический запах туннелей, чувствуя всплеск адреналина.

– Согласен, – ответил он, глядя на лицо найденного человека, с которого также сняли шлем. – День действительно будет культовый. Иначе и быть не может.

Сталкеры не ошиблись.

Человек снаружи действительно не был одним из них. Они готовы были прозакладывать последний фонарь, что ни они сами, ни кто-либо другой в метро его видеть не мог.

Незнакомец пришел извне.

Глава 5. Столица

Датаполис мог гордиться всем, что только было ценным в метро. Скучающий охранник на южной заставе Площади Льва Толстого это понимал, перебирая в уме все отличительные черты столицы. Роскошь, освещение, населенность, порядок, уровень жизни, уровень безопасности. Особенно он гордился последним пунктом – гордился потому, что как раз безопасность станции не в последнюю очередь обеспечивал лично он. Охранник южного блокпоста Федор Дементьев. Насколько он знал, на других станциях в патруле либо в сторожке успели отработать все граждане Креста без исключения. Эту систему Федор

считал дикостью, пережитком старых времен, когда было принято поручать ответственные задания некомпетентным людям просто для того, чтобы заставить кого-то попахать на стороне, почувствовать на своей шкуре, каково тянуть чужую лямку. То есть против самой идеи Федор ничего не имел, но не мог принять того, что ее применяют к такому важному делу, как охрана. Нельзя ставить на защиту случайных людей.

Вот почему Дементьев не просто так отрабатывал часы. Защита южного блокпоста Датаполиса была его основной и единственной работой последние шесть лет.

На своих квадратных метрах Федор знал каждый миллиметр камня и стали, пыли и песка, знал угол развертывания прожекторов и пулеметов, вес укреплений и звук деревянных досок настила поперечного моста, возвышающегося над рельсами. Дважды в день он ходил с фонарем до пятидесятого метра, внимательно осматривал стены и возвращался обратно на свою неизменную лавку, к костру и паре штопаных одеял. Федор считал себя самым состоятельным жителем Датаполиса – у него в подчинении имелась площадь размером с небольшой бассейн. Южный блокпост.

Разумеется, в одиночку Дементьеву патрулировать не приходилось – обычно в его распоряжении было до четырех помощников, которые сменяли друг друга на протяжении суток. Сам Федор предпочитал жить в непосредственной близости от блокпоста, в пределах прямой видимости. Была бы его воля – он бы попросту перестроил точку, чтобы поселиться здесь и лишь изредка открывать проход.

Ведь в той части туннеля не было ничего.

Только Шлюз. Обитель сталкеров Кондора.

Много нервов было истрепано в спорах с гражданами столицы на тему того, почему целая четверть Креста фактически отдана на откуп сталкерам. Олимпийская, Дворец «Украина» и Лыбедская – целых три станции, объединенные общим названием «Шлюз», оставались закрытыми для простых смертных. Не было митинга, на котором бы не поднималась эта тема. Со своей лавки Федор слышал каждое слово недовольства. Смотритель лишь смущенно улыбался и уклонялся от прямого ответа. Но Федор и так знал почему.

Прежде всего, станций было не три, а две – Лыбедская давно обрушилась под сотнями тонн воды во время особенно сильного наводнения. Если бы не Кондор, успевший со своей командой оперативно подорвать стены, смыло бы всю столицу к чертям собачьим. Однако политика Кипариса не предусматривала объяснений перед избирателями. «Птицы» просто в очередной раз спасли метрополитен, и, как всегда, никто об этом не узнал.

Шлюз фактически представлял собой резервацию, в которую не было прохода. Кипарис был обязан своей властью в том числе и тому, что имел под рукой подходящую страшилку про жадных, алчных сталкеров, захвативших две станции под личные нужды. Заодно закрылся от юго-западной ветки, превратив ее в переходное звено между столицей и поверхностью, и перевесил ответственность за их сохранность на плечи пятерых парней. Мудрое решение доброго тирана.

К «Птицам» Федор испытывал смешанные чувства. Они вызывали у него уважение, но все же чутье охранника подсказывало, что все эти шесть лет он охранял Датаполис именно от сталкеров – либо от тех опасностей, с которыми они справиться не сумеют. Если в туннель проникала какая-нибудь тварь, то она могла поползти в обе стороны – к столице или же в Шлюз. Судя по редким выстрелам, доносящимся откуда-то далеко с юга, отбиваться чаще приходилось именно сталкерам. Это был знак, что Федору тоже следует приготовиться – посадить подручного за огнемет, а самому напрячь все внимание и ждать незваных гостей. В такие моменты Федор чувствовал, что отдает долг сталкерам за оперативное предупреждение.

И все же он побаивался, что рано или поздно наступит момент, когда ему придется оборонять станцию от самих сталкеров. Более того, он смутно подозревал, что именно поэтому Кипарис уделял серьезное внимание сохранности блокпоста в текущем виде. Ведь, если подумать, на кой черт он здесь нужен, этот блокпост? Приволочь сюда гермозатвор, установить за сутки – Федор и в одиночку приварил бы часа за три. Так, чтобы открывать дверь только по большим праздникам. Ни крыса не прошмыгнет, ни кто-то покрупней.

Знакомый звук со стороны туннеля прервал размышления охранника. Федор мигом абстрагировался от шума станции, прислушался. Так и есть, тихий рокот. Он чувствовал, что звук знакомый, но не сразу сумел распознать его из-за необычно высокого темпа.

Кто-то едет на дрезине. В принципе, ничего необычного, если учесть, что два часа назад Баобаб отправился со сталкерами наверх, так что как раз должен был вернуться. Однако столичная повозка, судя по звуку, катилась гораздо быстрее, чем обычно.

Глянув на колокол, висящий на цепи, Федор поколебался. Звонить или не звонить? На грохот вся станция сбежится. Решив, что пока не нужно, охранник сел за пулемет, мысленно выругавшись, что как раз сейчас никого из его помощников рядом нет.

Пятно света показалось достаточно быстро. Дементьев включил махом все прожекторы – на такой случай у него имелся отдельный переключатель. Заодно и у Кипариса в кабинете напряжение скакнет. Такой побочный эффект стал следствием неисправности, но Федор исправлять не стал, так как счел его дополнительной сигнализацией. Ни к чему начальству расслабляться, когда бодрствует южный пост.

Через несколько мгновений дрезина остановилась у платформы, и Федор тут же нацелил ствол пулемета. Он узнал Кондора, но его смутили сразу две вещи. Во-первых, Кондор никогда не заезжал на саму станцию без приглашения – всегда останавливался за десяток метров до конца туннеля. Во-вторых, народу на дрезине было слишком много.

– В чем дело? – крикнул Дементьев.

Воробей соскочил с дрезины на платформу, помогая выбраться Баобабу. Советник Кипариса выглядел очень бледно.

– Федор, расслабься, все у нас нормально, – спокойно сказал Кондор. – Нас не преследуют. Будь другом, позови Кипариса.

Дементьев опустил ствол, настороженно следя за Баобабом.

– Ладно, – пробурчал он. – А почему вы…

Слова застряли в глотке охранника, когда он с изумлением понял, что людей на дрезине действительно слишком много.

– А это кто? – спросил он, глядя на неизвестного ему человека.

На грубых досках лежал матрац, на котором покоилось бесчувственное тело парня лет тридцати. Аист и Феникс перетащили его вместе с матрацем к мешкам с песком.

– У нас чужой, – сказал Кондор и глянул охраннику в глаза. – Кипариса сюда, и живо.

Федор бросил взгляд на колокол.

– Не нужно, – предупредил Кондор. – Паника начнется. Федя, не советую.

Такое обилие новой информации для охранника было перебором. Снова схватившись за пулемет, он нацелился на сталкеров.

– Назад! – рявкнул он. – Всем отойти на пять шагов!

К его удивлению, сталкеры послушались – все пятеро отступили к туннелю. Словно они просчитали такой вариант развития событий. Однако Баобаб уставился на Дементьева с оторопью.

– Ты что, охренел?! – прогундосил толстяк, держась за дрезину, чтобы не упасть. – Ты меня не узнал?

Федор поколебался, направил дуло выше, к потолку.

– Ни с места, или я буду стрелять, – пригрозил он. – Это вас тоже касается, советник. Придет смотритель и разберется.

– С чем разберется? – послышался голос.

От неожиданности Федор чуть было не дернул скобу. К тому времени он уже не целился в живых людей, но все равно такой поступок погубил бы его репутацию навсегда.

Смотритель стоял, нахмурившись, оглядывая всех прибывших. Это был немолодой, но бодрый мужчина, чей возраст выдавали лишь глубокие морщины и легкая проседь на висках. Его рост превышал метр девяносто, и, судя по стройной осанке, здоровье его еще не подводило. На правом рукаве красовалась толстая белая повязка – знак высшей власти. Обладатель имени дерева.

– У меня в кабинете отключился свет, – спокойно пояснил Кипарис. – Я понял, что Федор включил прожекторы. Что тут происходит?

Баобаб тяжело и громко дышал.

– У нас красный! – доложил он. – Мы нашли красного наверху!

– Нет, – поспешно вставил Кондор. – Мы нашли чужого человека, но мы не знаем, красный ли это. Смотритель, он без сознания. Его нужно срочно привести в чувство, чтобы он мог ответить на вопросы. Но прежде всего – спрятать.

Смотритель никак не прокомментировал это предложение. Он подошел к парню, склонился над ним. Баобаб чуть вздрогнул. Федор все еще оставался у пулемета, следя за странной картиной. К приходу красных он не был готов, и только сейчас ему удалось осознать это в полной мере, отчего дико захотелось напиться.

– Чего ты молчишь?! – не выдержал Баобаб. – Нам надо в лазарет! Я побывал в гнезде у мутанта!

– Помолчи, – велел Кипарис, и советник испуганно послушался.

Смотритель пристально осматривал лицо парня, чуть касаясь его пальцами. Он занимался этим не меньше минуты. Прежде чем снова выпрямился.

– Так, – произнес он и потеребил бороду. – Дело плохо.

– Нам оставить его тут? – спросил Кондор. – Баобаб предоставит отчет сам.

Между ним и Кипарисом начался безмолвный обмен красноречивыми взглядами. Сталкер мог понять, о чем думает смотритель. Появление красных, как любого нового человека с поверхности, – ситуация, конечно, из ряда вон выходящая, но

все же она определенно прогнозировалась ранее. Сталкер мог прозакладывать последний патрон и ремень от штанов в придачу, что Кипарис не раз и не два моделировал в уме такой кризис. Сейчас все понимали: нужно во что бы то ни стало избежать огласки. Одной только детали, одного мельчайшего слуха будет достаточно, чтобы началась массовая паника.

– Федор, – проговорил смотритель.

– Да?

– Ступай в лазарет. Скажи доктору, чтобы готовился к нашему приходу. Пусть оттуда уберут всех пациентов и персонал. Должен остаться только сам доктор.

– Слушаюсь!

– Погоди, не так быстро, – Кипарис помедлил. – Затем возвращайся сюда и неси вахту, пока я лично не приведу тебе замену. Сам, никого больше не зови.

– Будет сделано, смотритель.

– Ни с кем не говори, держи язык за зубами. Ты меня понял?

– Я понял.

– Кондор, твоя команда нужна мне здесь, – распорядился Кипарис. – Оставьте крупное оружие и броню. Взять можете только пистолеты, если есть. Ведите себя как гражданские. Все двигаемся к лазарету разными путями. Выбирайте наименее освещенные. Раненого тащите так, будто он пьян.

– А почему не спрятать его в Шлюзе? – взвизгнул Баобаб.

Смотритель посмотрел на него с еле уловимым презрением. Аист, чуть усмехнувшись, наклонился к Ворону и прошептал:

– Держи врага близко.

– Ага, – кивнул Ворон. – Только это он про нас.

– Ладно, – сказал Кондор, стаскивая с себя портупею. – Феникс, надень ему на голову тряпку какую-нибудь. Бандану сделай или еще что-то.

Спустя две минуты смотритель шел по станции в одиночестве. Перенаселенность Датаполиса оказалась как нельзя кстати – в столице почти не оставалось достаточно свободного пятачка, за исключением специально отведенных мест для собраний, где можно было бы привлечь внимание нестандартным поведением или еще чем-нибудь. Площадь Льва Толстого застраивалась до того плотно, что давно превратилась в настоящий лабиринт из фанерных перекрытий, бесконечных бараков, стоек и отсеков. Смежная станция – Дворец Спорта – была в этом отношении ее копией, с той разницей, что там застройка производилась в два, а то и в три этажа. В таких местах сложно было вести какую-либо общественную жизнь, так что в условно дневное время – разумеется, согласно станционным часам – все жители столицы собирались в переходах между обеими частями Датаполиса, в торговых рядах. Но лазарет, к счастью, находился здесь, так что раненого гостя можно было провести в полумраке светильников незаметно.

Кипарис сумел замаскироваться достаточно просто – накинул фуфайку Дементьева, которая сделала его подтянутую фигуру более грузной и заодно закрыла повязку на рукаве. Смотритель чувствовал себя несколько глупо из-за того, что вынужден был прятаться от своего же электората, однако азарт не мог перекрыть тревоги.

Чуть позади него Кондор и Воробей тащили раненого, будто пьяного. Более молодой Аист достал из кармана бейсболку, нахлобучил ее на голову, лихо завернув козырьком назад, и тут же приобрел вид беспечного паренька, после чего скрылся в темноте бараков. Феникс и Ворон просто растворились, будто их и не было. Кондор понятия не имел, как именно они проберутся к лазарету, но знал, что они это способны сделать так, как не сумел бы и он сам.

Лазарет находился в противоположном углу станции. Это был уже не барак, а самый настоящий дом с отдельной печкой, вытяжка которой уходила по трубам далеко вверх, и даже с крыльцом. Досок и камней на него не пожалели. Кондор смотрел на лазарет со смешанным чувством зависти и гордости. Почти все стройматериалы приволокла с поверхности его команда. Но лечиться здесь никому из сталкеров не приходилось.

– Пошла отсюда! – крикнул Баобаб сидящей на крыльце замызганной девушке. Кондор даже оторопел от такой наглости советника. Толстяк обернулся к нему и тут же струхнул.

– Нищенка местная, – сказал он, не сумев скрыть дрожащего подбородка. – Она все равно не понимает меня – у нее мозги набекрень.

– Тогда незачем ей грубить, – раздраженно сказал Воробей. – Можно просто увести.

В дверном проеме показалась молодая женщина в белом халате.

– Прекратите, – вымолвила она. – Не то вас услышат.

Кипарис вышел вслед за ней.

– Татьяна, не переживай, – посоветовал он. – Баобаб, замолчи! Тащите раненого сюда.

Сталкеры смотрели на Татьяну с восхищением.

– Таня, здравствуйте, – ухмыльнулся Аист. – Вы великолепны в костюме врача.

– Я же стоматолог. Вас что-то удивляет?

– И еще школьный учитель.

– Да, и потому не позволю обижать Эльзу, – Татьяна бережно взяла девушку за плечо и попыталась отвести в сторону. – Пойдем, дорогая. Я отведу тебя поесть.

Девушка застонала, но не сопротивлялась. За коркой грязи нельзя было разглядеть черт ее лица. Ее лохмотья больше напоминали тряпку для чистки воздушного фильтра. Лишь глаза, при всей пустоте взгляда смотревшие по-детски доверчиво, не вызывали отторжения и даже были по-своему красивы.

Кондор поволок раненого в дом, но тот неожиданно дернулся. Баобаб отскочил в сторону, Ворон выхватил револьвер из кармана. Кипарис схватился за перила крыльца так, что пальцы побелели при свете лампы.

Веки раненого затрепетали. Открыв глаза, он попытался что-то рассмотреть перед собой.

Эльза нечленораздельно заговорила. Вывернувшись из-под руки Татьяны, девушка в лохмотьях подскочила к чужому и повисла на нем. Такого груза Кондор удержать уже не мог, и сталкеры разом навалились с двух сторон, не давая ему упасть.

– Давид, – произнесла девушка, глядя аутичным взглядом на чужого. – Да-вид…

– Эльза, – прохрипел раненый. – Что…

Он снова потерял сознание.

Не утерпев, Кипарис перемахнул через перила и отволок девушку в сторону. Оказавшись в его руках, Эльза встрепенулась и завизжала.

– Кто ты такая?! – прошипел смотритель. – Говори, быстро!

– Отпустите ее, – умоляла Татьяна. – Она же не понимает!

– Он узнал ее!

– Вот у него и спросите! А причинять вред бедной девочке не позволю!

В ярости Кипарис отпустил Эльзу, и та зарыдала, свернувшись в клубок прямо на холодном полу. Смотритель перевел дух, вытер лоб рукавом фуфайки.

– Послушай, – наклонился он к девушке. – Мне нужно знать, кто этот человек. Скажешь – и получишь много вкусной еды. Хочешь кушать?

Эльза зарыдала сильнее.

Смотритель с проклятиями выпрямился.

– Надо ее разговорить, – промолвил он. – Нам нужен Ион с Лукьяновской.

Глава 6. Давид

К тому времени, как дрезина со штандартом смотрителя достигла станции, Ион все еще не мог понять, в чем ему предстоит участвовать. Мыслями он все еще был на Лукьяновской, на своем месте в шатре, при этом почему-то объясняя детям запретную тему о «Красном варианте». Небольшая лекция, только что прочитанная им секретарю, являлась для самого учителя частью то ли реальной истории, то ли мифологии, и он не мог допустить в самой бурной фантазии, что ему придется говорить о Красной линии метро как о чем-то реальном, пугающем, неизведанном. Всю жизнь красные были для него детской страшилкой, которую он воспринял как очередной вызов. Для Иона перспектива встретиться с красными, стать свидетелем их экспансии в сторону Креста, была скорее угрозой его внутреннему миру, нежели родной станции. Пока что эта сказка о выживших обеспечивала ему необходимую зону комфорта за счет надежды, что за пределами метро осталась жизнь. Да еще и совсем рядом. Мечты о светлом будущем, а там – чем черт не шутит, – может, красные действительно скинут Кипариса, хотя Ион, как мог, противился любым силовым методам. Он стал цепляться за возможность собирать вокруг себя малолетних слушателей, обмениваться с ними энтузиазмом. Именно «Красный вариант» фактически сделал его жизнь, дал смысл искать, держаться, не сдаваться. Но теперь весь привычный образ жизни следовало оставить на Лукьяновской.

Ион приближался к Датаполису – столице, столь часто его раздражающей из-за того, что посещать ее учителю требовалось только для решения разных проблем. Чаще всего – с негативным результатом. И ни разу – для торговли или просто для души. По сути, каждый визит в Датаполис был для Иона равносилен изнурительной командировке. Он покидал свой дом и двигался черт знает куда, чтобы изображать из себя просителя. И тем сильнее выводило из себя учителя то, что любая победа ему давалась через бой. По возвращении домой Ион все чаще подозревал, что его желание общаться с детьми вызвано вовсе не мечтами о светлом будущем, а банальной неспособностью находить общий язык с людьми взрослыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nedorub_sergey/metro-2035-krasnyy-variant

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить